

# АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЕНКО

## Проза Русского Севера



# Заклятый клинок

Проза Русского Севера

Алексей Василенко

**Заклятый клинок**

«ВЕЧЕ»

2026

УДК 821.161.1-311.6  
ББК 84(2Рос=Рус)

**Василенко А. Ю.**

Заклятый клинок / А. Ю. Василенко — «ВЕЧЕ», 2026 — (Проза  
Русского Севера)

ISBN 978-5-4484-6018-0

В книгу выдающегося русского писателя Алексея Василенко вошли два произведения. Роман «Шахматы Петра Великого...» посвящен Петру I, его викториям и конфузиям, неумному темпераменту и грандиозным замыслам. Впервые в русской литературе Северная война представлена как поединок двух равных стратегов Петра и Карла, что при любви и того и другого к шахматам порой напоминает сложнейшую партию. Роман «Заклятый клинок» рассказывает о Крымской войне 1853–1856 гг., героической обороне Севастополя и легендарном дамасском клинке, несущем гибель всем своим обладателям. По древнему поверью в клинке заточена душа непобедимого воина, чья судьба хранит тайну страшного проклятья.

УДК 821.161.1-311.6

ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4484-6018-0

© Василенко А. Ю., 2026

© ВЕЧЕ, 2026

# Содержание

Шахматы Петра Великого, или Как орёл слона ловил	6
Пролог	6
Часть первая	9
1	9
2	11
3	16
4	20
5	27
6	35
7	43
8	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

**Алексей Василенко**  
**Заклятый клинок**

**Проза**  
**Русского**  
**Севера**

Серия «Проза Русского Севера»



© Василенко А.Ю., 2026

© ООО «Издательство «Вече», 2026

# Шахматы Петра Великого, или Как орёл слона ловил

## Пролог

Многие на Руси хорошо знали давнюю-давнюю историю, которая передавалась московским людом из уст в уста, и в зависимости от того, кто говорил об этом, окрашивалась по-разному: то становилась она историей рождения спасителя Отечества, то, наоборот, – историей рождения посланца Антихриста. Причём главное действующее лицо этой удивительной повести был человек воистину таинственный, внушавший не только уважение своими обширными познаниями, но и страх перед предполагаемым его общением с нечистой силою.

Перед появлением в Москве был он на Белой Руси и в Польше монахом известным. Звали его Симеоном Полоцким, знали по богословским диспутам, по способности слагать всяческие оды, по многочисленным познаниям. Поэтому никто особенно и не удивился, когда русский царь Алексей Михайлович, будучи в Полоцке, обратил внимание на служителя церкви, прочитавшего торжественные стихи по случаю прибытия государя. После знакомства и довольно долгого общения последовало Симеонову неожиданное предложение: переехать в Москву и стать наставником у царских детей. От подобных предложений отказываться нельзя, и Симеон стал чуть ли не членом царской семьи при горячо любимой Алексеем Михайловичем жене Марии Ильиничне Милославской. А после её преждевременной смерти и во время долгого траура царя продолжал оставаться при детях, ни на день, впрочем, не оставляя и своих научных и литературных занятий. В 1671 году царь после долгих смотрин невест выбрал себе новую жену – ту самую, которую уже давно заметил: не очень известного рода, бедную и... просто невозможную красавицу Наталью Нарышкину, с которой и обвенчался 22 января 1671 года.

...В августе перед новолунием ночи в Москве высокие-высокие и звёздные. Это спустя столетия люди забыли, какое оно бывает звёздное небо в августе. В эти дни в прежние времена люди выходили из домов и смотрели в небо. Был звёздный дождь. Минуты не проходило, чтобы на небесном куполе не оставила свой мимолётный светящийся след сорвавшаяся с немыслимой высоты звезда, другая, третья... И нужно было только успевать загадать желание, чтобы звёзды принесли тебе удачу, счастье.

Симеон в ночь с 28 на 29 августа не был монахом и строгим наставником. В тот момент он был мирянином – Самуилом Емельяновичем Петровским-Ситниановичем и занимался привычным для себя делом: наблюдал за звёздами и планетами. Особенно за Марсом. Эта планета, несущая в пространстве имя бога войны, всегда привлекала Симеона своим загадочным красноватым светом, и этот участок неба он знал хорошо. А на этот раз то ли северные, с морским запахом, ветра продули над Москвой воздух, и был он удивительно чист, то ли по какой другой причине, но Симеон впервые увидел никогда им не замечавшуюся до этого новую звезду. Он ахнул и кинулся к своим астрологическим таблицам и картам звёздного неба, потом – снова к телескопу. Ошибки не было. Звезда на картах не значилась. Он просидел до рассвета, перепроверя себя, прикладывая своё открытие к уже известным фактам и их толкованиям. По всему выходило, что...

Утром Полоцкий направился к царю. Алексей Михайлович уже давно распорядился пропускать его во всякое время, но он знал также, что Симеон редко пользовался этой привилегией. Значит, решил он, действительно, что-то важное.

Полоцкий вошёл как-то... торжественнее, чем обычно. Да и поклонился поклоном земным, не в пояс. Царь насторожился. Но ещё более растерялся он от вопроса, который задал ему монах.

– Государь! По очень важной необходимости, не обессудь, но должен я задать один вопрос, на который нужно срочно ответить.

– И кому это нужно? Тебе, что ли? – Алексей Михайлович был в тот день благодушен: усмехнулся по-доброму.

Хороший знак, смекнул Полоцкий и, осмелев, упал в ноги:

– Великий государь! Это нужно всем, но в первую очередь – тебе!

– Мне, говоришь?.. Ну, спрашивай.

Симеон, не поднимая головы, заговорил быстро, будто боялся, что, если его остановят, он больше никогда не скажет то, что хотел сказать:

– Уж ты прости меня, государь, прости, грешного, но должен я, должен... вопрос этот проклятый, вопрос этот непристойный, вопрос: а имал ли ты сегодня ночью супругу свою, Наталью Кирилловну?

Царь дёрнулся во гневе:

– Да как ты смеешь!..

– Ответь, государь, ради Господа нашего, Вседержителя!

Алексей Михайлович запнулся от страсти, которая зазвучала в голосе монаха, помолчал, зарделся:

– ...Н-ну... Да!

Полоцкий вскочил, всплеснул руками, лицо сияло:

– Слава Богу, свет ты наш, Алексей Михайлович! Могу тебя обрадовать вестью великою. Сегодня ночью открыл я новую звезду. И из расположения планет узнал, что голубка наша Наталья Кирилловна сподобилась твоего зачатия. А будет у тебя в надлежащее время сын, а именно 30 мая 7180 года от сотворения мира, а если по-новомодному, по-европейски, то 1672 года от Рождества Христова!

А потом я заснул и видел во сне, что сын твой будет знаменит на весь христианский и нехристианский мир и заслужит такую славу, какой не имел ещё никто из русских царей. Он будет великим воином и победит многих врагов. Он будет встречать сопротивление своих подданных, и в борьбе с оными укротит много беспорядков и смут. Искореня злодеев, он будет поощрять и любить трудолюбивых, сохранит веру и совершит много других славных дел... Всё это я видел, как в зеркале, а проснувшись, я записал и представляю сие всё письменно, чтобы можно было уличить меня во лжи, если всё сказанное не сбудется!

Потрясённый царь взял написанную Симеоном грамоту, отпустил монаха, потом поручил установить над Полоцким негласный надзор, чтобы не мог он бежать куда-нибудь, оставив царя осмеянным.

Но уже вскоре главное предсказание сбылось: многомудрые дворцовые эскулапы подтвердили, что царица понесла... Кого? Царевича? Царевну? Поверить Симеону или – как бог даст? Оставалось только ждать дня, который записан был в тайной грамоте.

Когда же у Натальи Кирилловны начались первые схватки, и к царю прибежали с этим сообщением, Алексей Михайлович шутейно обратился к Полоцкому:

– А записал – 30 мая! Соврал? Ещё два дня до срока!

И поразился слезам на глазах монаха:

– Ты что скорбишь? Почти правильно ведь угадал!

– Не угадывал я, государь, правду говорил. А слёзы от того, что уж больно долго царице мучиться...

А роды, действительно, были мучительными. Врачи разводили руками, уповая на природу, церковники приобщили Наталью Кирилловну святых тайн, не надеясь на благополучный исход. Только Симеон стоял непоколебимо:

– Всё будет хорошо. 30 мая родится у тебя, государь, сын, имя которому надлежит дать Пётр, ибо означает оно камень и символизирует то, что будет у него на самом деле: твёрдость

духа, стойкость, победительность, силу. А теперь, государь, нам с тобой надлежит помолиться. И чем горячей молитва наша будет, тем точнее сбудется предсказание!

И молились они, и плакали, после чего Симеон поднялся с колен с просветлённым лицом и твёрдо сказал:

– Осталось всего пять часов.

Однако, по истечении этого времени, когда до изречённого срока оставалась лишь четверть часа, Симеон опять начал молиться, но на этот раз – о том, чтобы мучения роженицы продлились ещё час! Разгневанный царь схватил его и поставил перед собой:

– Пошто так вредно просишь?!

И снова Полоцкий не дрогнул, ответил спокойно:

– Напрасно ты, государь, помешал молитве моей. Если царевич родится в первом полу-часе, то веку его будет пятьдесят лет, а если во втором – проживёт до семидесяти.

И не успел он закончить, как в палату вбежала женщина:

– Родился! Бог сына дал! Царевич! Одиннадцати вершков в длину и трёх – в ширину!

За окном ударили колокола, слышались радостные голоса, крики, началась во дворце суета, только Симеон Полоцкий стоял, высоко подняв голову, что-то говорил, и если б кто-то прислушался к его речам, то услышал бы странные слова:

– Эх, чуть бы раньше начать молиться! И пожил бы великий царь ещё двадцать лет!

## Часть первая Дебют

### 1

...Вечеру ветер вдоль финского побережья оборвался резко, будто загородили его, заслонили чем-то. Сосны шуметь перестали, волна уже не кусает камни прибрежные, не шумит на откате, а лижет берег осторожно, ласкаячи. Ночь светла здесь, как повсюду летом на севере, темнеет, почитай, на несколько часов всего около полуночи, а до того – видно далеко, воздух прозрачен и чист, как в родных местах десантников Галицкого полка. Они собираются кучками, костры жгут; земляки, которые гребцами назначены, тоже присоседились. У тех – свои заботы. Шутка ли – на вёслах столько сотен вёрст пройти! И хоть есть парус, да он под берегом бесполезен: то штиль вот такой, как сейчас, то ветер постоянно направлен навстречу... Вот и приходится каждую выдавшуюся свободную минуту сорванные кровавые мозоли на горящих ладонях хоть чем-нибудь остужать, прикрывать, боль успокаивать... Тут ведь как, – если ты даже рыбачил на озере Галицком да на Волге, и руки у тебя, вроде, привычные, то всё равно ты новичок-неумеха: здесь не озеро, не река, здесь море – чужое, незнакомое, холодное, хмурое...

Костерок трещит, угольками плюётся, то и дело кто-то из тех, кто к огню поближе, хлопает себя по бокам да по ногам, чтоб не загореться, значит. А это легко может случиться, потому что все больше на Степана смотрят, Степана слушают. А тот народ веселит, тараторит на ветлужский манер, балагурит по известному закону: не хочешь – не слушай, врать не мешай!

– Не знаю, в царстве каком, но жили мы втроём, делили кусочек хлебушка: я, бабушка и дедушка. И жили мы богато, гребли деньги лопатой, жили привольно, всем были довольны. Хлеб мы иногда видали, на брусу скирды складали, а на шестке стоги метали! Во как!

А и скотом не обижены, как яйцом насиженным: двадцать пять кошек доёных и двадцать опоённых. Бывало, дед пойдёт коров поить, а баушка примется кошек доить. Да вот с ней беда случилась: верь – не верь, а один пёстрый кот игривый поскидал скирды своей гривой. Придавило баушку колосом, завопила она зычным голосом! Тут она и преставилась, даже в баньке не попарилась... Дед по ей убивается, поминки делать собирается. Чтобы сделать их на славу, заводит на напёрстке опару. А тут суседи: полно, мол, тебе горевать, не пора ли пиво затирать?

Пиво затираем. В чану распускаем, пиво было пузырно, налили двадцать пять бочек пупырных. А у нас обычай таков: про гостей наготовить блинов. И вот как напали на блины суседи, как на мёд медведи, первый блин чередом, а другой в горле колом, а третий – сами догадались да совсем отказались...

...Слушают Степана солдаты, смеются, не вспоминают о том, что они в дальней от дома стороне, про свои ладони, искалеченные вёслами, забывают. Не думают и о том, что они нынче уже не совсем солдаты, а пехотные моряки, что завтра всё пойдёт по простому закону: гребни – не гребни, делай так – делай эдак, поди туда – поди сюда... А вот зачем это – «туда» и «сюда», никто не говорит. Тебе надлежит сполнять, что командир скажет, фронт держать, да в ретираду не удариться... Захар Антипов лицом в землю уткнулся, руки разбухли, кровь внутри дёргается, болят, проклятые. Он их пожалел – под себя их, под себя, чтоб теплей было, а слёзы от боли текут прямо в эту чужую землю, но никто из товарищей не видит спрятанное лицо, а стонов захаровых тоже никто не слышит: солдаты Стёпку слушают да смеются...

А вскоре уже всех сон сморил, костерочки приугасли, тлеют потихоньку, дымков тоненькие струйки поднимаются к небу и растворяются в нём, уже потемневшем. А до рассвета уже всего ничего осталось, и что этот день принесёт – никто не знает, окромя Господа.

Шаутбенахт тоже не знает. Он сидит на валуне, под сосной на взгорочке, смотрит на лагерь, на море, на тлеющие огоньки. Людей, его сопровождавших, он отослал отдыхать, самому тоже не мешало бы, да только мысли беспокойные мнутся в голове, и вопросы, вопросы, на которые надо отвечать, да нет у него однозначного ответа... Когда начиналась эта очередная партия с соперником сильным, давно уже знакомым и даже изученным, шаутбенахт был куда увереннее, чем сейчас. Обо всей предыдущей жизни что говорить, – всяко бывало. И проигрывать приходилось, и одолевать, но вот в последнее время, всю недавно окончившуюся зиму ему удавалось одерживать только победы. Неудача была только минувшей осенью, да и то – неудача ли? Просто его фигуры натолкнулись на хорошую защиту в этом самом месте, где он сейчас находится. А ведь он надеялся на прорыв именно здесь. И нет других вариантов. Противник это знает, и снова, почти год спустя, – впереди заслон. Так что правильно мы тогда сделали, отойдя малыми силами, не вступая в бой. Вовремя Боцис оценил свои возможности и не ввязался в битву, заведомо проигрышную. Теперь сил поднабрали, а противник – тот же и на том же месте, правда, уже без похороненного перед выходом в поход командира. И прорваться нужно, во что бы ни стало.

В шахмат играл он частенько. Правда, мастером в деле этом он стал вполне самостоятельно, не по наследству, хотя в их роду из поколения в поколение передавалось игровое умение. Ещё прадед его учил своего сына, частенько сживал с ним у доски. А потом и сам сын, – его, шаутбенахта, дед, – научился. Тогда жил он ещё мальчишкой на Унже-реке, в Макарьевском монастыре, где поблизости и посейчас находится их родовая вотчина. И вот там один из монахов был весьма искусен в древней игре и обучал деда, а тот после – своему сыну передал, что узнал. Передать дальше умение своё тот не успел по малолетству наследников, но видно – какой-то перешёл интерес: шаутбенахт с детства в шахмат играть научился изрядно. И вот сейчас – ещё одна партия с давним соперником. Умным, смелым, азартным, готовым всё поставить на кон... Это бы и ничего, и не таких выдввали, одно только смущало: слишком многое можно было приобрести или потерять при этой новой встрече. Ну, насчёт приобрести, – так ведь удача не всегда на твоей стороне, можно подождать и более подходящего дня. А вот потерять...

Уж так сложилось, что в этой встрече, если её проиграть или, скажем, снова уклониться, всем на свете станет понятно, что он взялся за непосильное ему дело, которому он отдал последние... два?.. нет, больше... десятилетия жизни, и успехов в этом деле он не достиг и, возможно, не достигнет никогда. На кону стояло всё, что он делал, чего добивался, к чему звал всех за собой, часто силой гнал вперёд. И если проиграть нынешним летом, то придётся наматывать жизнь свою, как канат, на кабестан, просматривать каждый вершок: где слабинка, где перетёртость, не лопнет ли при чрезмерной тяжести? А кто меру той тяжести определял? Он сам. Тогда и вина будет на нём, сполна. Начинать сначала? Ему уже сорок два года. Позади дела удавшиеся, за которые не стыдно отчитаться перед силами небесными. Макушка жизни. Но позади, пока он поднимался в гору, были и дела, которые сейчас он, пожалуй, назвал бы стыдными, вызванными мальчишеством, незрелостью, проснувшейся жестокостью, без которой не получалось победить обстоятельства. Сейчас, в возрасте мудрости и опыта, не мог он допустить ничего подобного. Он должен был выиграть эту партию, выиграть умом, расчётом, накопленным умением, хитростью, наконец!

...А огоньки угасли совсем, тишину нарушают лишь негромкие оклики часовых, ветра всё так же нет, а на светло-синем небе появились самые крупные звёзды. По всему берегу спят вповалку люди. От усталости мало кто из них видит сны. Спит ставший недавно морским десантником Стёпка, чуть ли не штатный балагур Галицкого полка. Захар Антипов тоже спит: руки, забывшись во сне, перестал беречь, раскидал их широко по земле, но и сейчас они вздрагивают, шевелятся – гребут, гребут невидимыми вёслами неизвестно куда...

И смотрит на эту картину и думает долгую думу шаутбенахт Михайлов, Пётр Алексеевич. Именно так он приказал себя называть во всех случаях, связанных с морем. И только самые

близкие люди могли обращаться к нему по настоящему имени и титулу. Шаутбенахт, а по-другому – контр-адмирал, – звание флотское, морское. И получил его Пётр Алексеевич не по власти огромной, не по богатству, а за личное участие в морских баталиях: от рядового бомбардира к прапорщику, лейтенанту, капитану... И вот – контр-адмирал. Это на берегу он – русский царь Пётр, а на море – не дослужился ещё до полного адмирала. И прибыл он сюда, к этому Гангутскому полуострову на стремительной полугалере с другого берега Балтийского моря, из Ревеля... да, для того, чтобы командовать, но и чтобы опыта понабрать, поучиться. Шаутбенахт усмехнулся: об этом-то никто знать не должен. Пусть все, даже противники, видят, что царь там, где в этот момент труднее всего. Впрочем, враги пусть лучше об этом не знают.

Пётр неловко поднялся. С детства отличался он плохо развитыми, но длинными ногами, это явственно было видно при высоком его росте, больших руках, крупной голове с решительными чертами лица. Впрочем, худоба ног отнюдь не мешала ему и ходить на большие расстояния, и охотиться. Он ещё раз бросил взгляд на спящих матросов и солдат. Пусть поспят, вскакивать по тревоге им придётся уже очень скоро, задолго до рассвета... Поручил тут же подбежавшему офицеру собрать всех уже назначенных и закреплённых за группами кораблей командиров. Нужен был последний консилий перед прорывом. Ещё и ещё раз уточнить все детали, проверить всё – до последней мелочи.

## 2

Всего несколько дней назад шаутбенахт Пётр Михайлов, ещё находясь в Ревеле, в обычных, повседневных делах вспомнил вдруг резко и пронзительно своего непримиримого соперника, которого часто называл «любезным братом». Теперь, когда готовилось решительное сражение на море, только после которого можно будет говорить о каких бы то ни было планах на будущее, почему-то он вспомнился – человек, с которым никогда не встречался, кроме как армиями на поле боя. И в лицо-то он его не знал. Зато изучил все его поступки, все привычки его, черты характера. И узнавал не по слухам, а специально собирал сведения, какие только можно было собрать. Давным-давно, за частоколом лет, ещё во время Великого посольства, в котором Пётр присутствовал тайно, под видом плотника, а иногда бомбардира... Сейчас уже и не припомнишь – в какой стране, но было темно, накурено, нёсся пивной дух, где-то рядом бросали кости и азартно и радостно кричали при каждом удачном броске. А Пётр сидел за шахматной доской, уложенной на поставленной на попа бочке, с каким-то местным чудачком, изумительно владевшим шахматным искусством, проигрывал раз за разом, горячился, буквально заставлял соперника начать новую партию. Когда тот уже решительно отказался, Пётр вынул кошель с монетами, бросил на бочку:

– Здесь денег немало. Это всё твоё, если секреты свои мне расскажешь!

Игрок удивлённо сдвинул на затылок шляпу, но кошель не взял:

– Секретов у меня нет. Если хочешь совет, я дам его, но за совет денег не берут, не так ли?

Пётр молча кивнул, смотрел вопросительно.

– Ну, что тебе сказать... Не спеши обязательно выигрывать, научись и достойно проигрывать. Это совет первый. Второй: в любом деле, если хочешь выигрывать, добиваться совершенства, то ты должен заниматься этим всегда. Ты должен об этом думать всё время, постоянно набивать себе руку и... голову. Вот ты, говорят, русский... ну, допустим, плотник. Это – в шутку. А всерьёз говорят, что ты, кроме своего высокого звания, корабельный мастер первоклассный, что ты ещё многое умеешь. А почему? Потому что ты всерьёз хочешь стать вровень с лучшими. Но ведь то же самое – в шахматах. Ты прекрасно понимаешь, что эта игра потому и великая, что есть в ней все ситуации, которые в жизни случаются: в любви, в любом деле, даже в войне. Смотри: на доске ведь идёт сражение! И в этом сражении, как и во время настоящей войны, не выигрывают титулами, званиями, богатством. Выигрывает тот, у кого больше опыта,

кто лучше подготовлен, кто умеет лучше сохранить свои войска, не подставляя их попусту противнику. Хороший игрок может пожертвовать какую-то фигуру для достижения успеха на другом фланге битвы, бывает и такое. И обереги нас бог от того, что мы отдадим свои силы в единственной партии, зная, что предстоит ещё немало других. Каждый из нас должен всё время помнить, что дорога длинна, что впереди – ещё много партий, много других игроков. И чтобы пройти эту дорогу и в конце увидеть свет окончательной победы, нужно уметь распределить свои силы, уметь сберечь их до последнего удара сердца. А ещё – это уже совет третий, – выигрывает тот, кто хорошо изучил соперника, знает его характер, привычки, а потому легче угадывает: какой ход будет у твоего соперника следующий... Хороший полководец может и не уметь играть в шахматы, но мыслит он так же, как в этой игре, иногда даже не подозревая об этом! Есть ещё много способов и приёмов одолеть соперника, и чем больше человек их знает, – тем сильнее он и в шахматах, и в жизни. Я заметил, что и в наших с тобой партиях ты кое-что запомнил, и если случится похожее положение, то ты уже легко с ним справишься. Но главное всё же я уже сказал. Главное – понять соперника, понять его игру...

Да, именно тогда Пётр впервые задумался над этим, а позже сделал одним из главных правил своей жизни. Но конкретно к главному своему сопернику – шведскому королю – это своё правило он впервые приложил в очень тяжёлые для России и для него самого дни, после поражения, конфузии под Нарвой.

Ах, как же тогда его, полностью занятого делами по обустройству России, южными войнами за выход к морю, налаживанию армии на новый манер, как тогда все эти добропорядочные европейские правители из Дании, Польши и Бранденбурга обвели его вокруг пальца, уговорами и переговорами, просьбами, а порой и требованиями. Ему бы как-то оттянуть вхождение России в союз, направленный против Швеции, да только получилось, как получилось. Россия ещё и пальцем шевельнуть не успела для освобождения своих же древних земель, как оказалось, что интриганы просчитались, недооценив именно личность шведского короля. И в Швеции пробудился вулкан: юный восемнадцатилетний король приступил к решительным действиям.

Этого никто не ожидал и не воспринял угрозу всерьёз. Конечно, Европа прекрасно знала, что у шведского короля усилиями его деда и отца, Карла X и Карла XI, уже давно созданы самая лучшая на тот момент сухопутная армия и давно известный в сражениях и на торговых путях прекрасный флот. Но нынешний король стал таковым всего лишь три года назад, в пятнадцатилетнем возрасте. Ему бы не воевать, а играть в военные игры, проводить смотры, военные парады и манёвры, чем он усердно и занимался в предыдущие годы под руководством своего наставника, известного генерала Стюарта, пренебрегая при этом не только науками и политикой, но и государственными делами. Впрочем, последнее тоже прочно было поставлено его отцом, поэтому шведская телега с хорошо смазанными колёсами катилась вперёд, не скрипя и не ломаясь...

И вдруг лвьёнок очнулся и стремительно собрал свою армию в карающий поход. Ему казалось, что его позвала к действиям волна всеобщего негодования шведов при попытке вмешательства в их жизнь и их интересы. На самом деле, как всегда и везде, народу просто внушили, что это его интересы, внушили лица правящие. А вот их интересы были в первую очередь в Дании, поэтому её следовало наказать прежде других. Тут же часть армии была погружена на корабли, войска высадились на европейском берегу, где быстро разбили датские отряды, собранные в спешке. Юный шведский король вынудил короля Дании отказаться от заключённого союза и... совершенно неожиданно для побеждённых отказался от приобретения за счёт территории Дании каких бы то ни было земель!

Карл был счастлив уже самой одержанной победой, а оттого и великодушен. Как и в самые юные годы, у него продолжалась, хоть и в другом качестве, игра в войну... Именно поэтому вместо окончательного захвата, удовлетворившись покорностью датского короля, Карл XII,

решив надавать пощёчин сразу всем своим неприятелям, велел снова посадить армию на корабли и направить их из Карлсгамна на восточное побережье Балтики, в Пернов, чтобы продолжить свой поход на этот раз против русского царя.

И снова стремительность и решительные действия привели его к победе: под Нарвой русские были отброшены, если не сказать – разгромлены! Услужливые голоса позже сообщили ему сведения о том, как русский царь босиком, без шляпы и в разодранном кафтане удирал по глубокому снегу в свою Москву, оставив под стенами крепости почти всю артиллерию. Насчёт артиллерии – это было правдой. Что до остального... Карл, конечно, прекрасно понимал, что подобные картинки не могут дать правдивую, точную картину, что они рождаются в разгорячённых успехом головах людей из его окружения. Но слушать такие домыслы было так приятно! И он поверил в них, поверил в то, что Россия сломлена окончательно. Тем более, что после побед в Дании и России пришла очередь Саксонии. И тут до Карла дошли слухи, что курфюрст саксонский и король польский Август II уже начал готовить мирные предложения. Но Карл не хотел мира! Жёсткая мстительность, поддерживаемая талантом, не давала ему покоя. Он обязательно должен был на глазах всей Европы отхлестать дерзких правителей, которые осмелились созданием своего союза посягнуть на шведские зоны влияния! И не прошло и месяца после победы под Нарвой, как он приказал направить армию на Польшу.

Опытный шведский генералитет, точно уловивший плохую боеготовность русской армии, слабость Петра, почти единогласно предлагал продолжать гнать русских. По возможности – до самой Москвы. Но Карл был упрям, как сотни шведских генералов, вместе взятых. Памятуя стремительные захваты разных стран своим кумиром Македонским, Великим Александром, он решил сделать ещё никогда не бывалое: за один год привести к покорности три государства! И он пошёл-таки на Польшу, упуская при этом явную выгоду продолжения войны в России.

Это была роковая ошибка. Она усугубилась тем, что и в ней Карл оказался непоследовательным: поход на Польшу, едва начавшись, был приостановлен, армия неожиданно была поставлена на зимние квартиры в южной Лифляндии. Ему говорили, что русский царь дополнительно получил, хоть и кратковременную, но возможность наращивать силы на земле и воде. Карл слушал и усмехался:

– Объясните мне, как можно за несколько месяцев оправиться от поражения под Нарвой! Как можно за этот же срок восстановить всю артиллерию? Ведь мы же её захватили, не так ли?

И тем не менее, это была ошибка неверия в возможности соперника. Карл совершенно не ожидал каких-то активных действий русских против него, предположив, что, скорей всего, России сейчас не до наступлений и она срочно начнёт укреплять оборону. Но именно это при огромной её территории представлялось ему почти невозможным: ведь всегда можно было найти в этой обороне огромные дыры, обойти приготовленные заслоны и прорваться к сердцу России, чтобы поразить её одним мощным ударом. Так что этот, как он полагал, победный марш Карл решил оставить на потом. А пока расправиться с другим соперником.

Возможно, шведский король тоже изучал характер русского венценосного противника. Но, по всей вероятности, то ли делал это плохо, то ли пренебрегал какими-то важными моментами. Во всяком случае, он должен был бы учитывать то, что в России совершенно невиданными темпами создавались оружейные производства.

Собственно говоря, Россия уже давно не испытывала недостатка в вооружении и в мастерах, которые могли делать хорошее оружие. Но ещё во время подготовки к Азовским походам Пётр почувствовал, сумел уловить, что войны начинают меняться, что всё больше и больше получают значение не только сила богатырей, не только мужество бойцов, но и организованность их, умение воевать и... да, надёжное и дальнобойное оружие! Тогда ещё в Туле, где издавна было много дельных оружейников, он велел заказать изготовление самопалов в нема-

лом количестве – две тысячи в год! Тогда же и случился казус, который по всей Руси потом рассказывали, как легенду.

Был у Петра любимый пистолет, с которым он не расставался нигде, подарок от одного из близких людей – барона Петра Павловича Шафировова. Пистолет был иноземного изготовления, славной немецкой работы, бил без промаха, не тяжёл был, но красив и прост в обращении. А тут царь вдруг обнаружил, что курок пистолета сломался. Поломка не такая уж сложная, велел Пётр найти самого лучшего мастера в Туле. Привели.

– Звать-то тебя как?

– Никитой прозывают. Антуфьевы мы.

– Вот пистолет мой. Посмотри.

Никита взял оружие, которое как-то ловко скользнуло ему в руку, подласкалось, будто почувствовав настоящего хозяина. Глянул:

– Сделаем...

Придя домой, посмотрел повнимательней и ахнул: у пистолета не только курок обломился, но в стволе обнаружилась небольшая раковинка, которая неизвестно на каком выстреле, но обязательно привела бы к тому, что ствол разорвался бы, а в таком случае жизнь царя зависела бы только от воли бога. Что делать? Сделать вид, что не заметил, и поставить новый курок? Это будет цареубийством. Сказать царю, что любимый его пистолет никуда не годится и не подлежит починке, тоже нельзя. Это уже позор для тульских всех оружейников! Задумался Никита, закручинился...

Через несколько дней, как было условлено, страже, которая взашей хотела его вытолкать, сказал, что принёс царю сделанную работу. Пётр быстро осмотрел пистолет, взвёл пружину, собачку нажал. Курок исправно щёлкнул, стало быть, и выстрел бы получился, будь пистолет заряжен. Повертел в руках, примерился, будто стреляет, поцокал языком:

– Ай, да мастера эти заморские замечательные! Нет, против тех оружейников нам не устоять, ещё сто лет догонять будем! Верно я говорю, Никита?

А Никита головой мотает, царю словно перечит:

– Нет, неверно.

Пётр аж дёрнулся:

– Почему?!

– Да потому, государь, ваше величество, что туляки тоже супротив иноземцев постоят.

Пётр, сызмальства не терпевший хвастовства и хвастунов, вспыхнул от этих слов и ударил оружейника со словами:

– Сперва сделай, потом хвались!

Никита набычился в обиде:

– А ты, государь, сперва узнай, потом дерись! Посмотри вон там, под стволом...

– Что это?

– Моё клеймо. Моя это работа. Сделал я тебе точное подобие пистолета твоего, поскольку никуда он уже не годится и опасность для твоей персоны представляет, государь. Вот, посмотри... – Он достал негодный пистолет, взялся двумя мощными руками за ствол, нажал вроде несильно, а ствол и переломился как раз в том месте, где раковина была. – Вот глянька, что у него внутри. В скором времени разорвался бы у тебя в руках этот пистолет... Вот я и сделал.

Пётр тогда не успокоился, дал Никитке Антуфьеву новое испытание: изготовить точные копии десятка иностранных ружей. А когда возвращался из южных степей, проверил, как его поручение исполнено. И вновь Антуфьев в своей маленькой мастерской сотворил чудо: ничем нельзя было отличить ружья – ни в стрельбе, ни во внешнем виде. Вот тогда-то Пётр окончательно поверил в этого мастера, поручил ему старшим быть при исполнении того самого боль-

шого заказа: двух тысяч ружей в год. А кроме того дал из казны пять тысяч рублей на построение собственного оружейного завода. Уезжая, спросил:

– Отец-то у тебя тоже оружейником был?

– Да, государь. Демид Антуфьев, упокой, господи, его душу...

– Что ж, Демидыч, не подведи меня. Будешь работать со тщанием, сможешь добиться многого.

Никита не подвёл. Один заказ, другой... Нарачивал невидимые мускулы, поставил на ноги пожалованный Петром оружейный завод. Царь, внимательно наблюдавший издали за его работой, всё расширял и расширял его возможности: позволил вырубку леса и добычу руды вокруг Тулы, пожаловал Демидычу (он его теперь только так и называл, а позже и вовсе Антуфьев стал Демидовым) невьянские казённые заводы на Урале... Уже через несколько лет труда в петровском стиле – труда непрерывного, неустанного – он стал главным поставщиком оружия для русской армии, и ни разу не подвёл своего благодетеля.

Что же касается остального... Сейчас, много лет спустя, Пётр уже мог справедливо оценить всё, что делалось за минувшие годы, делалось поспешно, порой жестоко, обрекая на гибель множество людей и порой вызывая их ненависть. А ненависть выливалась в многочисленные бунты, прокатившиеся от края и до края, от моря Белого до моря Дамского, сиречь – Охотского. Бунты тех, кто добывал руду, выплавлял металл, делал оружие, и тех, кто это оружие умел держать, – казаков, беглых солдат и шедших за ними крестьян... Он посылал карательные полки, которые по приказу царя с большим или меньшим успехом наводили порядок – беспощадно и неукоснительно. Лилась кровь, с глухим стуком падали на землю головы... Он спрашивал себя: может быть, уступить, дать бунтовщикам то, что они требуют? И прекрасно понимал, что такой путь – смертелен уже не для сотен и даже не для тысяч людей, а для всей России, что её просто разорвут на части: поднимется сибирская ханва, казаки не устоят перед турками и крымчаками, а то и просто перевернутся, как не раз бывало, казанцы вспомнят о былом величии, а с севера и с запада насядут те же шведы, те же поляки, которым никак не даёт покоя историческая злость за добычу, ушедшую практически из-под носа...

Эх, если бы в России все это понимали! Все, кто рвётся на свободу и просто не желает видеть, что на щитах такой свободы крупными буквами написано слово «рабство»! Да как угодно меня называйте: деспотом, антихристом, сумасбродом, я и есть такой, я таким и буду. Доколе в отсталости своей прозябать будем, за шиворот буду тащить из трясины, которую уже сейчас называют «русский путь»... И для того будем железную свою силу наращивать, чтобы иметь возможность отбиться от любого, кто позарится на этот край, чтобы иметь возможность спокойно идти своим настоящим русским путём!

О, как все любители старины взвыли, когда решено было после нарвского поражения снимать с церкви колокола на восстановление артиллерии! И даже во внимание не принимали то, что всё это делалось с вынужденного согласия лиц духовных, очень своевременно понявших, что нет сегодня другого выхода.

Окончательно почувствовал он, что был прав, когда несколько лет спустя после нарвских событий на привале дремал он в своём возке, а снаружи неподалеку солдаты пристроились, истории всякие рассказывали. Слышно было каждое слово, но Пётр не отгонял от себя сон – плыл по волнам, медленно погружаясь и выныривая... Но вдруг прозвучало слово, которое долгое время вызывало у него боль: Нарва.

– А ещё, рассказывают, когда шведы под Нарвой наших побили и почти все пушки забрали, задумал царь новые отливать, да чтобы поболее их было да и стреляли бы они лучше. А из чего делать? Где латунь-бронзу доставать? А тут ещё и флот надобно строить, Меншиков самолично место нашёл, так и назвали – Лодейное поле, ну и Пётр-царь там бывал, сам строил корабли. И у англичев, то ли галанцев яхту заказали, лично для царя. Так он на ней по всему Беломорью прошёл, разве только на Грумант не ходил. И вот тогда на Соловки прибыл. Ну, монастырские

его встретили, как положено, но после трапезы царь их огорчил. Надо бы, говорит, самые большие колокола у вас забрать, на пушки перелить!

Они, конечно, заохали: как же так, царь-надёжа, без колоколов?

А Пётр даже удивился:

– Да зачем вам колоколов столько?

– Народ к богослужению созывать, молитвы наши до Господа лучше доносить...

Усмехнулся царь:

– Хитрите, братья-монахи! Господь всеведущ, и слышит все молитвы, что шёпотом вы их скажете, что по горшку печному постучите в помощь молитвам своим, что в маленький колокол позвоните – всё равно, всё одинако. Но вы-то себе на уме, думаете: если от вас не будет слышно звона, народ пойдёт в другие церкви. А вы, жадные, хотите, чтобы только к вам шли.

– Царь-государь! – отвечают монахи. – Слава монастырская умалится, ежели колоколов меньше станет, слава святых соловецких угодников потускнеет...

Задумался государь, а потом и говорит:

– А давайте-ка вы все во главе с игуменом садитесь на мою яхту и отправляйтесь на самый дальний остров. Находясь там, слушайте сторожко, когда вернётесь, – расскажете, что слышали.

Ну, отправились они все на остров дальний, а царь прикинул, когда яхта до места дойдёт, и о то время велел три раза ударить в самый большой монастырский колокол, а потом три раза палить из пушки. А когда вернулись монастырские с игуменом, он их и спрашивает:

– Что слышали, святые отцы?

– Да вроде, – говорят, – из пушки палили.

– А ведь в колокол тоже ударили, а вы не слышали. Не колокола, а пушки доносят повсюду славу России. Так что снимайте большие колокола, я из них пушки сделаю. А вот ежели не сделаю, придут враги, и вас же в другую веру обратят, и не будут нужны колокола никому. А ежели пушек будет довольно, то побьём супостата, веру нашу защитим, славу соловецкую донесём до самой шведской столицы, до города Стекольного.

Вот с того дня во многих церквях на Руси колокола поснимали, а вскоре и Нарву отбили!

...Царь тихо, зажимая рот себе, смеялся:

– Ах, черти! Ну и придумают же! Вот как: вроде ничего такого и не было, а ведь по сути – всё правда!

И действительно, – правда. Всего через два года после нарвского поражения Пётр счастливо смеялся. Он держал в руках небольшой листок самого первого выпуска «Ведомостей» от 2 января 1703 года. Это было, конечно, великим событием, и радовало царя тем, что в России появилась настоящая печатная газета. Но засмеялся он, довольный, когда глаза его среди прочих новостей наткнулись на несколько строк одного из сообщений: «На Москве вновь нынче вылиты 400 пушек, а меди на пушечном дворе, которая приготовлена к новому литью, более 40 тысяч пуд лежит». Одно всего решение, вызвавшее поначалу недовольство, дало такой результат. А история с Демидычем? А передача Невьянских заводов? На них за шесть лет, вплоть до Полтавской баталии выплавлено было 150 тысяч пудов чугуна для пушек и снарядов. Большинство орудий русской армии при Полтаве было отлито на Урале! Нет, долго ещё трясти надо матушку-Россию, чтобы стала она по-настоящему ценимой в мире державой.

### 3

Карл был игроком смелым, горячим и азартным. К тому же он легко переходил от одного замысла к другому, от одной линии поведения к другой. Дав отдохнуть зимой своему войску, к лету он уже был готов идти на владения Августа, курфюрста саксонского.

К тому времени Пётр, усилием воли отодвинувший от себя горькие нарвские воспоминания, лихорадочно носился по стране, переделывая её на новый лад, закладывая крепости, верфи и корабли, создавая, по сути, новую армию. Именно тогда он поручил дипломатам и другим сведущим людям раздобыть все возможные сведения о Карле XII, о его привычках и пристрастиях, о его образе мышления, наконец. Важным было всё, любая мелочь, как ему казалось тогда, имела значение. Но вот понадобятся ли эти сведения впоследствии, – на этот вопрос Пётр точного ответа не знал. Но понял он самое главное: суть человека, о котором думал всё последние годы. Из множества деталей сложилась эта мозаика, из тысяч кусочков смальты разных цветов получалась цельная картина – портрет короля Швеции, волею судьбы ставшего за эти годы его вторым «я», отражением в зеркале...

Да, да, именно в этом всё дело! Ведь при внимательном изучении, думал Пётр, шведский король оказался... нет, не похожим на него, но тем же Петром! Только на десять лет моложе. Сходны они были не только детством в военных играх, но и небрежением к нарядам, роскоши, яствам, любому великолепию, если это всё касалось непосредственно их. По отношению к другим сам Пётр был щедр и не скупился на роскошь, на пышные триумфы, дворцы. Особенно это всё относилось к женщинам. Именно поэтому прохладное отношение к ним Карла было для него загадкой. Во всяком случае о любовных приключениях шведского короля ему не доносил никто, даже диву можно было дать: как же такое возможно для человека мужеска полу? Только это, собственно, и различало их существенно. Одинаковыми были непрерывная кочевая жизнь, способность к неустанной работе в течение многих дней подряд, жестокость, вызываемая необходимостью, умение предвидеть ход соперника, военное мастерство, наконец...

Но за пределами личности находилось то, что эту личность формировало: общество, традиции, соратники, множество причин, из-за которых человек становится именно таким, а не иным. Вот именно здесь, в этой области, они разнились друг от друга.

Взять общество. В Швеции оно полностью одобряло все действия своего короля и поддерживало его. В России же любое новшество, любая реформа всегда, на протяжении столетий, встречали сопротивление. Россию приходилось ломать, насильно внедрять то, что казалось важным царю, не спрашивая, – а нужно ли всё это России, или у неё есть свой путь, отличный от европейского?

Противодействие вызывало желание во что бы то ни стало сделать по-своему, добиться своего.

Переустройство государства – работа или для титанов, или для авантюристов. Пётр искренне верил в то, что он поступает правильно, и на всё находил в себе силы. Так что в этом смысле Карлу было легче, ему не нужно было быть одновременно архитектором и градостроителем, корабелом и законотворцем, жестоким усмирителем бунтов, мешавших большим замыслам, и победительным полководцем.

Или взять соратников. Не имея поддержки в собственной стране, Пётр вынужден был сам с малого возраста искать себе окружение, создавать отряд, способный осуществить то, что он задумал. В этом смысле на стороне Карла была уже давно отлаженная государственная машина, чиновники и военные, поднатеревшие в своих профессиях...

Поразмыслив над этим, Пётр пришёл к выводу, что именно в таком кажущемся преимуществе кроется, в конечном счёте, проигрыш шведского короля. Царь брал воображаемую Швецию в свои руки, разглядывал и замечал, что общество её в общем-то не настроено на войну за пределами своей страны. Более того: самые лучшие генералы и адмиралы спят и во сне видят продолжение своей карьеры только на крупных государственных, дипломатических, чиновных постах, в законодательном собрании и так далее. И как только появляется такая возможность, из стана непрерывно воюющего Карла отбывает на родину очередной способный генерал... Центр стремлений короля – в войне, в утверждении своих амбиций. Центр устрем-

лений его окружения – в мирной жизни. А это неизбежно приведёт к тому, что Карл лишится поддержки самых умных, на место которых придут случайные люди.

А что в России? Что для меня эта война? Свет в окошке? Да нет. Главный курс для меня не здесь. Война – необходимость для России, вынужденная необходимость. Мы не за чужие земли воюем, а защищаемся от нападения и хотим вернуть уже завоёванное врагами когда-то. А ещё – за будущее воюем, за возможность выходить в окружающий мир, торговать, развиваться. Именно поэтому взлёт славы и карьеры – здесь, на защите страны от чужеземцев. Именно поэтому самые умные, самые талантливые, самые смелые и решительные идут сейчас сюда, к царю под крыло, помогают мне, кто чем может. И весь народ, который сегодня не очень-то жалуется на новшества в своей жизни, после этой войны поймёт, обязательно правильно поймёт всё, что делается сейчас.

Да, обстоятельства неравноценные, думал Пётр, но ведь тем интереснее сражаться с сильным соперником! Он попытался восстановить разрушившийся союз с Августом, и это ему удалось! У него была передышка, он благодарил Господа за неё, за возможность поправить дела. И он хотел до дна, как кубок венгерского, испить эту возможность, дарованную ему судьбой и... ошибкой Карла? А может быть, – собственной дальновидностью?

А его соперник уже начал выполнять свои планы. Железные, неколебимые шведские полки с наступлением лета стали быстро оттеснять в Польшу противостоявшие им прусские войска. Компактная, двадцатитысячная, хорошо обученная армия, воодушевляемая королём, который показал себя прекрасным воином и талантливым стратегом, вошла в Курляндию, перешла Двину и стала продвигаться к Варшаве. Карл уверенно полагался на чрезмерную гордыню польского шляхетства, которое раздувается от осознания собственного значения в мире только при слабом властителе. Стоит только где-то проявиться сильной руке, как шляхта немедленно метнётся в ту сторону. Он считал знатное польское воинство предательским по натуре и предугадал его поведение, которое оказалось именно таким, на какое он и рассчитывал. План отрыва Польши от иноземного владетеля основывался и на вполне естественном стремлении поляков к независимости, поэтому-то не только Сапега со знатью немедленно перешли на сторону Карла, но и вся армия по частям начинала служить не курфюрсту и королю Польши, а юному, сильному и победительному шведскому королю. И быстро дошедшая до Польши слава победы шведов под Нарвой сильно ускорила этот процесс.

Впереди была Варшава. Всего несколько лет назад, во время своих военных игр Карл тщательно занимался изучением этого города и крепости. И основания для такого пристального внимания у него были – получалось, что это место на земном шаре каким-то непостижимым образом связано со Швецией, с предками Карла по династии. Узнал он, что само название города произошло от выражения «укреплённое село» ещё несколько сотен лет назад. Два века спустя некий мазовецкий князь построил там замок, обстраивал его, возводил всё новые укрепления, поселение разрасталось, постепенно превращаясь в город, который уже раскинулся и на правом, и на левом берегах Вислы, появилось предместье Прага. Одним словом, Старое место и вообще Варшава уже два века спустя, в 1587 году, при короле Сигизмунде III, стали столицей государства. А в этом качестве превратились в желанный объект добычи для многих правителей, в удобное место междоусобных схваток.

Вот и шведский король Карл X соблазнился – с мощным отрядом в 34 тысячи человек и 250 орудиями он быстро преодолел слабое сопротивление, и в 1665 году триумфально вошёл в Варшаву. Польский король Ян Казимир стремительно перебрался в Краков. Через год, собрав войско, значительную часть которого составили союзные татары, он использовал численный перевес, выбрал момент, когда шведского короля и значительной части его армии не было в Варшаве, и выбил шведов.

Увы, ненадолго. Всего два месяца спустя шведы во главе со своим королём вернулись и, несмотря на основательную подготовку поляков, на построенные на Гроховском поле, возле

варшавского предместья Праги, укрепления, всё же выиграли трёхдневное кровопролитное сражение... Именно на примере Варшавы сумасбродный и талантливый Карл нашёл подтверждение своим юношеским догадкам о том, что история человечества циклична, что в ней в разных формах, при разных условиях повторяется одинаковая суть событий. Его поразили совпадения его похода с походом деда менее сорока лет назад. Совпадало многое – время года, численность шведского войска, политическая ситуация, при которой поляки, поперессорившись меж собой, не могли оказать достойное сопротивление. Именно поэтому нынешний шведский король был уверен, что он войдёт в Варшаву практически без боя, как вошёл его дед. Когда это так и случилось, и Август II лишился польского престола, Карл посадил на трон (как это странно звучит, не правда ли?) очевидного и послушного претендента Станислава Лещинского. Ну и что ж, что шляхта на сейме пыталась не признать его королём? Разве это имело значение, пока Карл прочно сидел в седле! Собственно говоря, он и не видел особой разницы в том, кто именно будет на польском троне. Самое главное, что лишился в Польше власти его соперник – Август II. А ещё важно было, чтобы этот Лещинский не выкинул какую-нибудь неожиданность и олицетворял власть, пока сам Карл, наказав провинившегося Августа, отправится добывать этого русского дылду. Венценосный саксонец, естественно, не признал в победителе нового короля и укрылся в крепости Торн, но на это уже можно было не обращать внимания, потому что уже и Краков с ликованием встречал Карла. Поход на Червонную Русь, который Карл начал сразу же, не медля ни мгновения, после взятия Варшавы, тоже был ошибкой. Будь Карл хотя бы десятью годами постарше, он наверняка сделал бы паузу, видя неустойчивое положение своего ставленника, навёл бы в Польше шведский порядок, обеспечив полное подчинение. Только после этого можно было бы пополнить свою армию поляками, которые ещё хорошо помнили своё выдворение из России и были бы поэтому весьма полезны. А амбиции, сожаления и придуманное, безмерно раздутое, воображаемое национальное унижение – это продукт, который хранится, как кажется, без надобности очень долго. Но приходит день и час, и минута – и всё это копившееся и глубоко упрятанное зло имеет свойство рано или поздно, взрывом вырваться на волю: ведь тогда, почти сто лет назад, вторгшись в Россию, поляки были так близки к цели – полному обретению гигантских просторов и богатств, привкус которых они уже тогда успели ощутить: Москва была взята! Россию они уже считали своей, уже это отложилось у них в исторической памяти... Не получилось. Погнали их взашей. Ну, так теперь – вот вам шанс: с помощью сильной шведской армии поучаствовать в войне на старых, но не забытых путях!

Не захотели. Простой народ принял шведов, как принимают повсюду завоевателей: или сражаясь, или молча покорившись. Поляки выбрали второй путь. Но Карл должен был понимать, насколько эта покорность ненадёжна и может подвести в самый неподходящий момент.

Шляхта, сплотившаяся вокруг Сапеги, в свою очередь приняла шведский захват, но не пожелала признать Лещинского. Чуть ли не каждого, пусть самого захудалого, но заносчивого шляхтича, сверлила мысль: да кто он такой, этот Лещинский, и чем я хуже?

Вот так и вышло, что не минуло и сорока лет, а история повторилась на новом витке. Обозлённый Август, как только поступило известие о том, что шведские полки покинули Варшаву, тут же ринулся восстанавливать утраченные позиции. Лещинский немедленно скрылся, а обрадованные этим бегством шляхтичи, забыв о том, что ещё совсем недавно они проклинали владычество Августа и радостно переходили на сторону шведов, теперь с распростёртыми объятиями встречали брезгливо относившегося к ним за постоянное предательство курфюрста, уверяя его в совершеннейшей преданности.

А сопротивление людей, которые ничего не просчитывали, не гадали – на чьей стороне в этот момент быть выгоднее, а просто думали о родной земле и о своём народе, было быстро сломлено...

Как только весть об этом догнала уходившую в русские леса и болота шведскую армию, Карл немедленно дал приказ возвращаться. Генералы ничего не понимали, прошёл меж ними

тихий недоумённый ропот, но приказ выполнили – войска стали вновь двигаться к Варшаве. По пути Карл вновь припоминал давний поход своего деда.

Его веселила такая ситуация, когда история кружит, и события полностью повторяются. Генералам говорил:

– Совпадения настолько велики, что я абсолютно уверен: даже если нас ждёт новое Гроховское поле, Варшава по заветам моего славного деда будет точно так же взята во второй раз!

Так оно и произошло. Капризная и изменчивая, как любая красавица, Варшава вновь отдалась завоевателю.

А слава победоносного молодого короля разносилась всё дальше по Европе. После того, как Польша оказалась неподвластной Августу, ему только и оставалось надеяться на то, что Пётр не забудет о соглашениях и не договорится за его спиной с Карлом о совместных против Саксонии действиях. Курфюрст не только считал это возможным, но и сам поступил бы точно так же в соответствующей ситуации. Он не верил в возможность долгосрочной верности своим обязательствам – слишком мало в прагматичной Европе было подобных примеров. Здесь всегда считали политику, дипломатию и собственные интересы превыше зыбкой и ненадёжной порядочности. И был приятно удивлён тем, что Пётр, несмотря на своё поражение под Нарвой, всё-таки продолжил войну с Карлом, буквально заставил его ослабить группировку в Польше и переключил его внимание на Россию, на себя...

Должны были пройти годы непрерывной кровопролитной борьбы, должна была произойти Полтавская баталия, чтобы Карл был вынужден убраться с трона Лещинского, и всё вернулось на круги своя. Это – для Саксонии и Августа II. А для Петра... Россия вынуждена была ещё долго продолжать тяжкую многолетнюю войну...

## 4

Дела сухопутные, дела военные, дела по устройству государства даже в самые трудные дни не заставляли Петра забыть про море, про флот. Всё, связанное с неотступной мыслью о создании русского военного и торгового флота, способного и от врагов охранить, и в дальние моря с русскими товарами ходить, было для Петра не просто делом среди других. Это было что-то другое. Страсть? Но она, как известно, вспыхивает ярко, разбрасывая шутихи и фальшфейеры, и вскоре неизбежно гаснет. Нет, эта часть жизни царя была спокойной и уверенной любовью, которая, если она является человеку, то светит ему всегда, всю жизнь, как солнце. Ты можешь не замечать его, ты можешь прятаться от него в каких-то тёмных углах, потом наступает ночь с её небольшими светилами... Но солнце есть! Оно никуда не может исчезнуть, пропасть...

С чего начиналось? Откуда, из каких далей позвало его море? Как это получается, что человек, не видевший в жизни никакого водного пространства шире речки, вдруг начинает мечтать о море? Мечты эти сродни тяге к дальним странам, где не бывал ни разу, к красе небывалой, которую и представить себе невозможно, поскольку жизнь вокруг вообще красотой обделена, по большей части окружают человека пыльные серые будни, грязь и уродства... Проходит время, человек побывает в дальних странах, спадёт с них флёр сказочности, аромат рома и ванили исчезнет, и останется такая же обычная жизнь, как дома, откуда, оказывается, можно было никуда и не ехать... И красоту невиданную, столь ярко представлявшуюся когда-то, так и не увидит, не оценит, потому что сам придёт к зрелому, мудрому взгляду: красота – не в пышном убранстве, не в золоте, не в красках, не в еде. Красота – в душе. А что может быть ближе, чем душа близкая, родная? Да проживи ты в этих самых дальних странах десятки лет, как сыр в масле катайся, а всё равно, если ты сам не с гнилой душой, будет тебя тянуть в те места, откуда ты родом, в обычные, заурядные будни, к земле, пусть бедной, сирой и бесприютной, но такой близкой!

А Пётр заболел морем. Впрочем, изначально и не морем даже, а незнакомая морская принадлежность захватила, как игрушка, которую обязательно нужно было освоить. Произошло это ещё в 1688 году, в Измайлове, во время прогулки со своим наставником в математике. Такие прогулки, считал Тиммерман, дают юному царю больше, чем сидение и мараение бумаги. Шла у них в тот раз беседа об основах фортификации. Пётр, по обыкновению, вертел головой по сторонам, казалось – не слушал, но наставник давно уже знал особенности своего ученика и был уверен, что ни одно его слово не пролетит мимо. Шли они через льняной двор, окружённый сараями. Царь попутно заглядывал повсюду, осваивая незнакомую ему территорию. Возле одного из амбаров остановился и стоял неподвижно, остолбенело так долго, что обеспокоенный Тиммерман подбежал:

– Что случилось, государь?

Пётр крутнулся навстречу стремительно, показывая пальцем в темноту амбара:

– Что это там?

Вначале Тиммерман тоже не смог понять, что за сооружение находилось внутри. Приглядевшись, он к своему удивлению понял, что среди каких-то сундуков, разрозненной мебели, зеркал и непонятных свёртков лежит на борту изящный прогулочный бот, по всей вероятности, английской работы, о чём он и сообщил царю, добавив, что такие применяются обычно на военных кораблях, но этот, скорей всего, сделан по отдельному заказу специально для прогулок на воде. Это было видно и по отделке, и по другим особенностям.

Все эти вещи, как сказал работавший в амбаре мужик, принадлежали боярину Никите Ивановичу Романову, который был двоюродным братом деда Петра, царя Михаила Фёдоровича. Пётр сразу припомнил какие-то отрывочные рассказы матушки и других людей про деда Никиту, о том, как любил носить он европейский камзол и окружать себя иноземными вещами. И вот этот ботик тоже, наверняка, сделан был ещё по его заказу, а потом без употребления уложен в этом амбаре...

– Интересно, почему боярин у англичан лодку заказал? Или русские строить лодки не умеют? Мне говорили, что у нас на севере довольно большие корабли строят, надо бы там побывать, посмотреть... Чем этот-то ботик лучше?

Тиммерман оказался в сложном положении. Сказать, что русские строят хуже, это, действительно, было бы неправдой. Просто на севере совсем другие условия, а англичане строили корабли и лодки для более тёплых морей, где нет льдов саженной толщины и не нужно прокладывать вдоль бортов толстые брусы, которые хоть как-то могут противостоять ударам ледяных глыб. Просто разные сложились способы... Но преимущества у английской посудыны всё-таки были, и он должен был об этом сказать.

– Дело не только в том, как построены лодки, но и в управлении ими. У русских паруса устроены так, что их корабли могут только по ветру двигаться, а вот здесь, даже у такого маленького судна, паруса позволяют не только с попутным ветром идти, но даже и почти против ветра! Надо только чуть-чуть менять направление и ловить ветер.

Пётр задумчиво зашёл внутрь, осмотрел ботик, убедился в том, что его вполне ещё можно привести в порядок. Спросил:

– А можно ли его починить и научить меня им управлять? Найдётся ли такой человек у нас в Москве?

– Да есть, государь! И не один такой. Есть мастер Корт, есть мастер Клаас... Но лучший из них – голландец Христиан Брант. Он ещё при государе Алексее Михайловиче, батюшке вашем, из Голландии со многими мастерами и матросами был призван для строительства кораблей. Батюшка твой, государь, тогда вознамерился построить корабли, чтобы по Волге да на Каспийском море навигацию открыть, с товарами ходить в Персию. А главным у них был капитан Давид Бушлер. И они построили! Большой корабль, который называли «Орёл», и небольшую яхту-галиот. Построили это всё на Волге, в Дединове, и потом сплавили оба судна в Астра-

хань... Так что стоит запомнить, государь, что первым морским кораблём российским стал именно «Орёл»! Как знак того, что дело это – государственное.

– И где же они теперь?

– Так уж получилось, что там они и остались оба, там и разорены были.

– Кто посмел?!

– Разин – вор, ваше величество! Он тогда забунтовал, и в нашествии своём на Астрахань напал, многое было уничтожено, сожжено... Галиот сожгли, а «Орёл» остался. Правда, в униженном, обесчещенном виде: с него всё, что показалось нужным и ценным, унесли. Бушлера убили, мастера и матросы голландские бежали в Персию. Говорят, что потом они устроились в Индийскую компанию. А некоторые затаились в городе, и когда бунт был усмирён, отправились на Москву. Они надеялись, что корабельное дело продолжится, но Господь рассудил по-другому... По дороге ещё несколько человек померли, до Москвы добрались только двое: лекарь Иван Термунт да корабельный плотник и конштапель Христиан Брант. Очень скоро поняли они, что кораблестроение, по промыслу Божию, в России откладывается. Что им оставалось делать? На родину добраться они не могли по причине полной потери всего имущества и денег. Но мир не без добрых людей! Лекарь Симон Зоммер приютил Термунта, а Брант сначала разные работы брал плотницкие, потом свою маленькую мастерскую в Москве открыл. Он и сейчас делает всё, кроме кораблей, где он мог бы главное своё искусство показать. А то ведь любое мастерство без применения тускнеет, ваше величество. Впрочем, думаю, что он ещё и сегодня многим может уроки преподать, даже знатым мастерам. Если надо починить ботик и обучить плаванию на нём, то лучшего человека найти трудно. Он всё сделает. Потом вы с ним, ваше величество, быстро освоите науку управлять простыми парусами, а затем, если богу будет угодно, построим мы корабли и побольше, с оснасткой посложнее, с наукой управлять потруднее...

...Так всё и получилось. Карштен (так Пётр называл Христиана) Брант очень быстро справился с починкой, благо – необходимость в этой работе была небольшая. А потом начались волшебные дни, когда они вдвоём с Петром ходили по Яузе на ботике, меняя галсы, и постепенно появлялось ощущение власти над этим созданием рук человеческих и так же постепенно отступал страх своего бессилия перед водным пространством... Только одно мешало молодому навигатору: не успеет он уловить изменение направления ветра, как ботик уже утыкался в противоположный берег, до которого – рукой подать! Ах, как это бесило, раздражало! Для полного освоения этого дела нужен был простор, место для манёвра, а откуда им взяться на речке малой, так непохожей на озёра, на море, уж не говоря об океане.

Попробовали перевезти ботик в Просяной пруд там же, в Измайлове, но ощущение замкнутого пространства, тюрьмы не прошло и здесь, хотя водная гладь тут позволяла отрабатывать более сложные приёмы. Нет, нужно было всё-таки искать место, где замаху не мешали бы стены! Но поскольку замах-то был ещё мальчишеский, то и место нашлось не так уж и далеко – в Переславле, который ещё называли Залесским. Город стоял рядом с довольно большим (по измайловским масштабам!) озером – почти круглым, с невысокими берегами. Плещеево озеро в солнечные дни было похоже на серебряную тарелку, какие Пётр, хвалясь своей молодой силой, частенько за столом сворачивал в трубку. Именно здесь они с Тиммерманом и Брантом решили поставить дом и маленькую верфь при впадении в озеро реки Трубеж, вблизи от Горицкого Троицкого монастыря. Решение это пришло не сразу, прежде нужно было побывать на месте, как обычно делал Пётр, нужно было увидеть всё своими глазами.

Много позже, спустя годы, царь, со своей знаменитой любознательностью и стремлением собирать, видеть и испытать всё необычное или просто незнакомое для себя, собрал среди всяческих диковин и документов сведения о том, как русские люди осваивали северные края, как шли на восток по студёным морям и пустынным землям, строили там поселения, остроги, даже торговые города.

Ещё тогда, когда Колумбус Америку открывал, русские давно ходили вдоль северного побережья Сибири на кораблях, которые размерами и грузоподъёмностью ничуть не уступали колумбовой «Санта Марии». А начиналось все от Архангельского города, от низовьев Северной Двины, от Холмогор, и одними из первых освоителей пустынных, холодных краёв были мастера-плотники, которые умели и избы срубить, и крепость поставить, и корабль соорудить.

Называли эти полярные суда кочами или кочмарами. Именно на таких судах, каких не было больше нигде в мире, кораблях, приспособленных к суровым условиям, ходили поморы от Кольского полуострова до Чукотки, осваивали великие пространства, которые потомки назвали Северным морским путём. И ходили в немалом количестве. Неужели каждый из них одолевал этот путь? Нет. Они избрали другой способ. Они начали одну за другой строить небольшие верфи. Прошли какое-то расстояние, входили в какую-нибудь мощную реку, каких немало в Сибири, поднимались до подходящего лесистого места, селились там и... строили новые корабли. Так в Тазовской губе возник знаменитый в своё время торговый город Мангазея, теперь уже давно исчезнувший с лица земли. Так было на Мезени, так были построены верфи у Верхотурского острога и в Тобольске, в Туруханском остроге, в верховьях Лены и под Якутском... До рождения Петра было ещё больше века, а русскими отважными плователями уже были поставлены более двух десятков таких плотбищ. Нет, это были не временки для строительства одного-двух кораблей. Верфи строили люди богатые, строили основательно, в расчёте на долгий срок службы и хорошую прибыль. Были и верфи, построенные за счёт казны. А всего такие плотбища построили сотни кочмаров, полярных красавцев, способных ходить в северных широтах, одолевая льды.

(Что такое коч? Это, фактически, малая каравелла двадцати метров в длину, до шести метров в ширину, со сравнительно небольшой осадкой, но принимало такое судно до сорока тонн груза и несколько десятков человек! У кочмара было простое и очень надёжное рулевое устройство, которым поморы владели в совершенстве, что и выручало в плавании под парусом. Он был прямым и, действительно, был один, но своеобразным упором для попутного ветра служила и плоская широкая корма, из-за чего кочи не уступали в скорости лучшим кораблям Европы – проходили за сутки до двухсот километров. И самое главное – коч был достаточно защищён, чего не было ни в одной стране мира, от ударов льдин!

Так что по большому счёту не английский ботик был дедушкой русского флота. Искать предка нужно было среди сотен и сотен русских судов трёх типов: дощаников, каюков и кочей-кочмаров. Но Пётр в начале пути всего этого не знал... Твёрдо знал одно: если даже у России и были свои корабли и корабель, были суда торговые и зверопромышленные, рыболовецкие, то военного флота у неё не было никогда. И именно его Пётр собирался построить.)

Для достижения цели пришлось пойти даже на хитрость. Впервые Пётр выпросился у матушки в Переславль якобы для посещения славного монастыря. Невинный этот маленький обман был вынужденным. Будь Пётр птицей, он в то же мгновение полетел бы туда. Но мать, поддаваясь извечному материнскому инстинкту, всячески старалась оберечь сына от опасных, на её взгляд, занятий, хотя и понимала, что он уже повзрослел, что он уже самостоятелен, что он имеет право и возможности не послушать её.

Это была у них такая игра. Царица Наталья Кирилловна следила за каждым шагом Петра и постоянно извещала о своём отношении к его любому поступку. А он... Щадя её самолюбие, он как бы забывал о царской власти и воле своей, и из огромной любви к матушке говорил о каждом своём шаге, спрашивал её совета и разрешения... Монастырь он, разумеется, посетил, но всё остальное время потратил на изучение местности. Окончательно решили поставить дом и место для строительства небольших судов – ботов, простых лодок – на невысоком холме возле села Вельково. От холма к берегу озера прорыть канал, и готовые лодки проводить в озеро по воде. Более крупные суда решили строить прямо на его берегу.

Только изучив это всё, решив окончательно, прикинув, – что потребуется для осуществления задуманного, осмелился просить у матери согласия своим планам. А она и не скрывала своего неодобрения ненужной, на её взгляд, затеи:

– И что же ты, Петрушенька, никак не наиграешься? Какое здесь море, какие корабли? Ох, заморчат тебе голову все эти тиммерманы!

Но противиться просьбе сына не стала. Во-первых, знала, что он не отступится, пока не добьётся своего, – не мытьём, так катанием. А во-вторых, – просто любила она его, просто любила...

С Плещеевым озером связалось в жизни Петра многое. Прежде всего гнала его сюда постылая, навязанная матушкой и её окружением женитьба. От чужой ему жены, от душных палат бежал он в Переславль часто, как только было можно. Бывал подолгу. Однажды, участвуя всеми силами в сооружении Брантом малого фрегата, задержался столь длительно, что в конце концов явились к нему посланцы большим числом, умоляя незамедлительно направиться в Москву, поскольку, де, прибыл персидский посол, и его надлежит принять.

Пётр изумлённо посмотрел на прибывших:

– С чего бы это? Пусть подождёт, будет время – приму.

– Так ведь обидеться может! А это чревато дипломатическими осложнениями... И ещё Наталья Кирилловна и патриарх Иоаким передать велели, что с остальными делами они управятся, но есть такие случаи, что требуют личного присутствия обоих царей – и Ивана, и Петра. И царю Ивану одному быть никак в таких случаях не возможно. И ещё недовольны они, что ты, государь, всё время своё отдаёшь делам иноземным, людям иноземным, даже платью иноземному...

С недавнего времени Пётр, действительно, стал присматриваться к разным иностранным военным мундирам, которые ему усердно демонстрировал на себе буквально с поры начала потешного войска неизменно присутствовавший рядом Франц Лефорт. Чужеземную одежду военного образца государь даже велел себе шить. Пока не решался сделать её повседневной. В мундире, шляпе и со шпагой на перевязи он появлялся только в Немецкой слободе. Окажется, и это было замечено! Не подсмотрели, не подслушали приверженцы старины лишь одного: что тот же Лефорт, всячески направлявший внимание Петра на европейские армии, обычаи, отдельные научные достижения, в то же время, к чести его, постоянно говорил Петру:

– В этом деле, государь, надо бы знать меру. Используй опыт иноземных офицеров, мастеров, врачей, учёных, бери от них всё лучшее, всё, что тебе пригодится в России. Но упаси тебя Господь от того, что ты перейдёшь границу, за которой уже нет обратного хода. Поверь мне, Питер, эту границу так легко не заметить! Заходишь в дом – там так приятно пахнет дымом от нагретой печи! Не заметишь грань, – и угоришь, а то и вспыхнет твой дом и сгорит дотла... Ты, если научился чему-то, делаешь уже сам хорошо, проводи учителей твоих с почётом, пусть едут домой и поминают тебя добром. Не сделаешь этого – сядут тебе на шею и погонять начнут, управлять тобою, твоей страной...

Забегая вперёд, стоит сказать, что очень во многом этот завет Лефорта Пётр не забывал. Прошли три века, время с точки зрения истории не такое и большое, а многомудрыми стараниями высоколобых учёных мужей царь русский почти полностью был превращён в какого-то монстра, якобы наводнившего Россию иностранцами, делавшего всё им в угоду и им на пользу.

Оболгали. И Петра, и Россию. В упор не хотели видеть то, что на самом деле совершал царь. Он использовал всё своё и всё чужеземное для выгоды Отечества. И не его вина, что в европах этого полезного было в тот момент больше. Не потому, что там люди умнее! Просто на все достижения этих стран потоком золотым, серебряным, драгоценным, приятно пахнущим пряностями, чаем, лились деньги, деньги, деньги! Миллионы украденных из родных мест людей были вывезены в эти самые цивилизованные страны и на потоке крови, пота разноцветных людей замешивалось благополучие и спесь этих стран. А Россию тем временем грабили,

грабили, грабили! Кстати, немалое коварство кроется и в том, что Петра, спустя эти столетия, назвали первым преобразователем России. Преобразования начинали ещё дед его и отец. И именно при них в большом количестве появились на Руси немцы, голландцы, шотландцы, итальянцы, французы, англичане. Были среди них откровенные авантюристы, но было немало честно отслуживших русскому царю людей, для которых Россия стала сначала просто родной, а уж для многих поколений их потомков – Родиной.

А Пётр широко зашагал тропой, проложенной предками, но всю жизнь помнил совет старшего своего друга Франца Лефорта. Во всяком случае, к концу войны со Швецией, войны многолетней, разнообразной и трудной, в армии осталось очень мало иностранцев-офицеров, их места заняли уже опытные и преданные русские офицеры. Флот, который был, по сути, начат иностранцами и управлялся ими, где даже матросы – и те были наёмными морскими бродягами, служившими во многих государствах, на многих флотах, так вот этот флот к концу Северной войны стал практически полностью русским. Разворачивалось постепенно великое Дело, не виданное по масштабам нигде на планете: русский флот был создан во всей своей красе, силе и величии почти на пустом месте в течение всего каких-то двух десятков лет! И суть была не только в строительстве кораблей. Петру удалось, взяв на первых порах всё лучшее, выскользнуть из уже создававшейся европейской зависимости, незаметной кабалы. В течение всего двух десятков лет вместе с кораблями одна за другой создавались верфи: в архангельской Соломбале, в Лодейном поле, в Воронеже, Таганроге; возникали адмиралтейства, навигацкие школы для первоначального обучения моряков. Всё больше и больше юношей отправлялись учиться за границу. И если вначале посланы были наследники знатных родов, то, когда обнаружилось отсутствие старания и прилежания многих из них, царь стал отправлять молодых людей из семей победнее, верно считая, что у них больше стимулов пробиться в жизни, больше энергии и желания занять достойное по уму и знаниям место.

Всё это – потом, всё это – позже. А тогда, в случае с персидским послом, Пётр нашёл, как ему казалось, достойный ответ:

– Пусть этот посол знает, что не в какое-нибудь мелкое ханство приехал, а в огромную страну, и пусть терпения наберётся, пока с ним разговаривать пожелают! Здесь тоже государственные дела решаются, не терпящие отлагательства.

Дела и действительно не терпели отлагательства. За короткое время на Плещеевом озере появились, кроме малых ботигов и лодок, два малых фрегата и три яхты, которые своей отделкой, обводами, оснасткой уже вполне могли бы соперничать с иностранными морскими. Вернее – так хотелось бы Петру, так говорил он о трудах своих всем, кто не был непосредственно связан с этим делом. Но сам же про себя он предполагал, что связи в корпусах кораблей не так надёжны, как надо было бы, что лес, из которого суда строились, не выдержан должным образом из-за спешки, недостатка времени, что по-настоящему корабли можно проверить только в открытом море да на хорошей волне.

Именно поэтому Пётр продолжал совершенствовать своё кораблестроительное мастерство. Даже на Москве-реке он сам уже, единолично, строил небольшие суда, справедливо заслужив признание среди мастеров. К этому времени он не просто наловчился в приёмах работы, но и разбирался в том, где какая древесина нужна, ведь для каждой детали нужно было выбрать лучший вариант – вяз, карагач, ёлка... Корпус любой посуды, особенно её каркас, шпангоуты, делались из дуба, на мачты шёл строевой лес, украшения делались из мягких пород. Но забота у Петра была не о том, как самому построить лучшую лодку. Он повсюду рассылал верных людей, чтобы собрали они ему сведения о местах, где можно будет ставить верфи, где в окрестностях хватит нужной древесины, где открытая вода недалеко...

Уже в конце лета 1691 года на Плещеевом озере был заложен первый военный русский корабль. Пётр не сумел присутствовать при строительстве, приехал лишь на закладку, столкнувшись, однако, с серьёзным затруднением. Нужен был очень жёсткий человек, который был

бы способен ускорить строительство при соблюдении самого лучшего качества. Такого человека-специалиста не было. Пётр, ничтоже сумняшеся, тут же присвоил своему верному соратнику князю Ромодановскому, который умел при случае проявить весьма крутой нрав, чин адмирала! Фёдор Юрьевич был человеком сухопутным, но его побаивались, а посему Пётр тешил себя надеждой на то, что страх сделает своё дело. Во всяком случае, обнаруживать недостатки, если таковые будут иметь место, будет сам Пётр, а задача Ромодановского, который в давних потешных боях дослужился до чина «генералиссимуса», была именно в нагнетании страха наказания.

И пошло дело! В Переславле народ ходил и дивился на то, как быстро поднимается и приобретает чёткие очертания корпус корабля, как тщательно сотни плотников, согнанных из Рязани, Костромы, Ярославля, из северных краёв, отделявали все части кораблей, как важный князь-адмирал расхаживал с иноземцами и заставлял каждую готовую деталь прикладывать к образцу, сверять по бумагам... А Пётр в это время поспешно собирал своих доверенных посланцев, добывших нужные сведения, обсуждал с ними лучшие места и готовился к поездке в земли архангельские, земли северные, где был выход к большой воде, к морю, и где надлежало окончательно постичь кораблевождение и мастерство корабелов. Там был единственный в России порт, в который приходили вокруг Европы и Скандинавии торговые корабли из разных стран, привозившие ходкие товары: сукна, другие ткани, краски, пряности – всё, что так хорошо расходилось на русском рынке. Отсюда же, из Архангельска, везли лес, кожи, меха, шла пенька в тюках, закатывались на корабли бочки с икрой и красной рыбой... Здесь, по рассказам, кипела жизнь такая, какую в России больше нигде нельзя было увидеть. И Пётр, верный своему правилу – пощупать и испытать всё самому, стал готовиться к новой науке.

К такому походу подталкивало и то обстоятельство, что корабль, построенный в Переславле, был закончен почти безупречно, однако, так и не сумел полностью показать свои возможности: озеро для таких кораблей оказалось просто тесным... Нужно было выбрать направление, в котором Россия будет пробиваться к морю.

Разговоры на эту тему заводились часто. Совершенно очевидно было для всех их участников, что поход на Каспий не сулил больших преимуществ. Персы были сильны, под их властью было множество княжеств, ханств, государств. В одном только, – в успешности морского перехода, больших сомнений не было.

– Если даже собака Степан Разин ходил за море на простых ладьях со своими казаками, то приличным флотом вполне можно бы явиться не только под берег персидский, но и за Кавказ, к тем странам направиться, – горячился Меншиков.

Пётр хмурился:

– Данилыч, брось ты мечтания свои! Сё – путь нереальный. За Каспийским берегом, за Персией неизвестные нам страны, непривычные нам жаркие земли – горы, пустыни... Земли, а не море! Выхода к океану нет. Каспий – суть озеро, а на суше воевать так далеко от родных мест очень трудно. Конечно, там Индия, Восток благословенный, но и в тех землях нам дорога прогулкой не покажется, там англичане крепко сидят, они без боя Россию туда не пустят! Со временем, если Господь так рассудит, и до Каспия доберёмся с торговлей, а сейчас...

Лефорт был за другое направление, поминая своих давних противников:

– Нам бы надо на Чёрное море податься, крымчаков да турок воевать. Сколько же ещё они будут наши южные земли разорять, людей угонять?! Для начала выбить у них главную опору – Азов. Ключ к морю – здесь! А оттуда можно уже и на Крым.

– Ты прав, Франц! Пусть архангельский путь останется – как есть, пусть негоцианты едут к нам. Мы там тоже флот поставим, чтобы русское Беломорье защищать, – это уже Пётр. – Но главнее будет – сесть на берегах черноморских, о проливах договориться и беспрепятственно ходить в Средиземное море, а с ним – во все страны Европы. Нам бы почаще князя Олега с его походом на Царьград вспоминать! На стругах ведь шёл по Днепру, когда казаков-то с

их чайками-лодками и в помине не было! Но без боя турки ключи от этих путей не отдадут никогда. Тут Лефорт ещё раз прав – надобно Азов брать, выбивать главную опору, чтобы со стапеля сошла страна на Большую Воду!.. Хотя, конечно, не воевать нам надо, а торговать, брать всё полезное, нужное для России... Вот так, господа компанейцы!

О балтийском направлении почти не говорили. Все прекрасно понимали, что здесь будет труднее всего, что Северное и Балтийское моря – сфера интересов старых морских волков: Голландии, Англии. Но главным и, пожалуй, самым опасным здесь соперником была Швеция, давно уже захватившая все северные берега этих морей, вплотную приблизившаяся к России Швеция, постепенно и незаметно, в течение многих лет расширявшая свои владения и уже внедрявшаяся в изначальные русские земли и захватывавшая старинные русские города. Это был противник сильный, идти на которого, не обезопасив себя от нападения с других сторон, не подготовившись, как следует, не наладив должным образом армию и флот, было бы, по меньшей мере, глупо.

## 5

Заводя такие разговоры, Пётр вовсе не ждал какой-то подсказки. Туманный, без подробностей, план уже давно носился у него в голове. Он уже, по своему обыкновению, большую задачу разделил на несколько частей и за все эти части собирался взяться одновременно и со всей отпущенной ему Богом энергией. И начать он решил с Беломорья.

Ещё до поездки на север Пётр решил заказать в Голландии морскую яхту, а в Архангельске построить два корабля. Лефорт с его многочисленными европейскими связями быстро разместил заказ на яхту, амстердамский бургомистр Витзен взялся её полностью оснастить. Кстати, этот Витзен не только слыл знатоком кораблестроения в разных странах, но как раз в это время издал книгу, в которой неожиданно для Европы основательно, доказательно утверждал, что Россия уже давно имеет свой флот в морях северных, и даже поместил в своей книге гравюру, на которой были изображены типы русских судов.

Но все эти замыслы, которые Пётр неуклонно стал осуществлять, отступили назад, как-то потускнели перед потрясением, которое он испытал, впервые встретившись с морем. Неласковым, неярким, холодным, но... заставляющим смотреть на себя непрерывно, понуждающим в него влюбиться, завораживающим настолько, что всю дальнейшую жизнь оно ему снилось и тянуло к себе. Он забыл о существовании людей, его сопровождавших и толпившихся в отдалении, забыл о времени... Какое там время, какой год, какое столетие, когда перед тобой – картина, которая не меняется уже тысячи лет: волны бьются о камни, о берег морской, удар за ударом, удар за ударом, и всё тщетно: камень стачивается постепенно, но берег скалистый не отступает, всё так же подставляет грудь ветру и волнам...

Потом были ещё потрясения – во время первой его прогулки по морю, когда прошли на яхте вдоль побережья, знакомясь с местной природой, когда гудели ноги от напряжения, от стараний на них удержаться, когда хотелось вместе с матросами тянуть какие-то непонятные пока шкоты, качаться высоко над водой, закрепляя паруса... Но всё равно – той первой встречи с Большой Водой, почти с Океаном он так и не смог забыть никогда.

В той прогулке по морю ходил он на той самой заказанной в Голландии яхте, которая была построена довольно быстро и, совершив плавание вокруг Скандинавии, пришла в Архангельск именно тогда, когда Пётр со свитой прибыл в город. Яхта была названа в честь небесного покровителя русского царя «Святой Пётр». Была она одномачтовой, изящной, но могла при необходимости и огрызнуться: дюжина орудий в состоянии охладить пыл многих наглецов. Пётр буквально раздувался от гордости, когда яхта шла по Белому морю в сопровождении английских и прочих купеческих кораблей и с одним голландским конвоем, которым коман-

довал капитан Иол Иолсен. Выходили даже северо-западнее, в соседнее море, за мыс Святой Нос! А Петру и этого было мало!

Впрочем, его восторженность, его открытое преклонение перед иноземными кораблестроителями и творениями их рук вскоре как-то поугасли. На берегу стал допытываться у помора, старого лоцмана: нравятся ли ему иноземные корабли? Впрочем, это был второй вопрос. А первый был – о бороде: почему бороду носишь?

Федот-лоцман растерялся. Не от чувства непонятной своей вины, а оттого, что сам царь не знает таких простых вещей. Он не понимал, как ответить. Потом всё же сказал:

– Так ведь холодно, царь-батюшка! Бороду снимают там, где тепло, а мы тут во льдах, чай, по полгода ходим. Англичы и прочие побудут здесь и уйдут, а мы-то живём здесь!

Пётр нахмурился, почувствовав свою неправоту. Потом спросил про корабли. Почесал Федот в затылке задумчиво, ответил честно:

– Не очень-то и нравятся. Это уж как с бородой: и лодья должна быть к холодам и ко льдам приспособлена. А эти... Если на Грумант пойти, а тем более – на восход, вдоль берегов, так торосы мигом раздавят эти красивые коробочки. К нам-то они вокруг свейских да норвежских земель, по тёплому течению приходят, да и приспособлены для других морей. А мы уж лучше, государь, по-дедовски, по-русски наши кочи строить будем. Найдём, конечно, чему и у энтих поучиться, но основа-то наша должна быть, для наших северных морей придуманная.

Пётр, насторожившийся при слове «кочи», взял Федота за плечо:

– Веди, показывай! Может, для новых кораблей что-то и от наших пригодится!

Заложили корабли в Архангельске, бурно создавалась Воронежская верфь, на которой один за другим сооружались корабли для назревшей войны с Турцией. Уже первый поход на Азов убедительно показал, что такую твердыню только с суши, без поддержки с моря, без морской блокады взять почти невозможно. Именно поэтому, когда ко второму походу построенные корабли достигли моря, они стали грозной силой. Пусть опытные турецкие мореходы-капуданы вначале отнеслись к ним свысока, называя их плавающими гробами, очень скоро сочли они за благо ретироваться, оставив крепость наедине с российскими армией и флотом. Это была, по большому счёту, первая значительная победа сухопутных войск, в которой новорождённый флот сказал своё слово.

Да, дело пошло. Одного не хватало – времени. Тут бы собрать все силы и самому стать во главе дел великих и таких необходимых. Но их было так много! А ещё – второй сынишка, Александр, в Бозе опочил, а там и матушка, горячо любимая, несмотря на многие меж ними несогласия, отошла в мир иной. Пётр чернел лицом, взрослел на глазах – утраты сушили его, долго не мог он видеть знакомые лица, только Аннушка скрашивала его затворничество, да и та со своей высокомерной красотой, казалось ему, не могла чувствовать душой его потери.

Порой вдали от Анны Петра одолевала тоска. Нестерпимая, охватывающая душу и тело. Всё время вставали в памяти глаза – всегда ожидающие чего-то, насторожённые и в то же время озорные, с каким-то хитрым бесёнком в зрачках. Вспоминались руки, прикосновения губ... Когда, как это случилось, что именно она завладела им надолго? А может быть окончательно?

Жену свою он очень скоро перестал считать таковой. Господи, да сколько лет ему тогда было! Поддался, мальчишка, на уговоры, на шептания о том, что царство не должно быть без наследника. Да и наречённая была красива спокойной русской красотой. Именно такие с отрочества попадались ему до той поры в случайности девки, которых он делал бабами, не промедлив ни минуты и не задумываясь об их дальнейшей судьбе. Но нынче было уже по-другому: венчание – дело серьёзное.

А ведь она его любила! По-своему: тихо, застенчиво, безропотно подчиняясь и потакая всем неожиданностям и странностям мужа своего. А он... Да был ли он мужем-то? Однажды старый плотник сказал ему то, о чём он не задумывался, чего не замечал, а все вокруг знали, как он беспрерывно метался от одного увлечения к другому, менял людей в своём кругу, беспре-

рывно начинал всё новые и новые дела, где уж там быть семейному человеку! Жену-то от случая к случаю видел, часто такие встречи кончались страшным раздражением, желанием ударить, сломать, убить, от которого спасение было только одно: бежать, бежать из этих душных дворцовых комнат на простор, где ветер, вода, земля, к чему-то новому. Про Кузьмича этого говаривали, что провидец он, может далеко судьбу человека увидеть. Но на прямой вопрос Петра о его собственном будущем старик покачал головой, не желая отвечать.

Кровь бросилась в голову, брови сдвинулись в гневе, потребовал ясного ответа, правды. И опять – покачивание головой:

– Нет, государь, не дело это – в таком молодом возрасте про жизнь свою расспрашивать. Судьба – она, вишь ты, богу одному знаема. И Господь даёт каждому человеку дни и часы, когда он может эту свою судьбу изменить. И уже от тебя, государь, зависит: узнаешь ли ты этот день и этот час, от которого зависит твоя судьба. Когда человек немолод, вроде меня, у него уже немного времени жизни осталось, мало что он исправить может, а у такого молодого, как ты, Пётр Алексеевич, впереди ещё вся жизнь. Сколько я вижу, то ты, государь, человек не для дома. Есть люди – они вокруг себя, вокруг дома своего всю жизнь всё обустроивают, и стены родные для них мёдом намазаны. И ничего худого в этом нет. Такие люди очень нужны. А ты – человек другой. Ты – человек ветра, дороги, странник ты. Тебе как дышать – нужны люди новые, дела новые, страны. На пути этом много грешить будешь, грехи будут на тебе виснуть и однажды заставят тебя пойти против бога по наущению других людей...

– Ну-ну, ты не заговаривайся!

– А не ты ли, государь, велел мне по правде говорить? Я ведь и ошибаться могу, я всего лишь человек. Но я сказываю то, что я думаю. Тебе дозволено меня и казнить, и миловать. Грехов у тебя много будет, самых разных. И только Господь тебе простит, потому что грехи на душу взять можно, если совершаются они во имя чего-то святого... Хотя... Нет, святой цели нельзя достичь путём греховным. А один из грехов твоих тяжких совершишь ты очень скоро против супруги своей. Откажешься ты от неё, поменять её захочешь на жонку чужеземную. Погубишь супругу венчанную, но та, вторая, о которой задумался ты, тебя обманет, и не обретёшь ты с ней душевного покоя...

Пётр вскочил, глаза налились кровью, густо пробивающиеся на верхней губе клочковатые волосы буквально встали дыбом – намёк на Анну Монс был понятен каждому:

– Молчи! Не твоё это мужицкое дело!

Взвинтившись, подкинул на ладони острейший плотницкий топор:

– Молчи-и-и! Молчи! Не доводи до...

Задыхаться стал, руками размахивать. Подбежать никто не осмелился: зарубит царь почём зря, остановить его невозможно в такой ярости, в такой страсти болезненной. Кузьмич – лицом бел, как его волосы, – опустился на колени, но голову не склонил, неповинен, мол, а только смотрел в упор в глаза царю. Страх не было. Была... жалость. Жалко было не царя, а работающего долговязого парня, которому только исполнилось восемнадцать лет и которого осилила какая-то непонятная хворь...

То ли что-то от этого чувства проникло тогда Петру в сознание, то ли другая какая причина была, но топор с размаху врубился в бревно, которое они с Кузьмичом обтёсывали, врубился глубоко, так, что потом двое с трудом раскачали его и вытащили. Пётр осел на землю, набежавший люд поддерживал его под руки, длинные, нескладные ноги дрыгались из стороны в сторону. Кузьмича схватили и поволокли было на муки смертные, на дознание – кто и зачем наущал его речам срамным и крамольным, но царь уже опомнился, велел привести старика обратно. Постоял молча рядом, обнял мастера за плечи, поцеловал:

– Прости меня, старый. Не в себе был.

– Да Пётр Алексеевич, как же! Мы ведь понимаем...

Царь повернулся к окружившим их людям:

– Учитесь, как смерти без страха нужно в глаза глядеть, и не вилять хвостом, а всё равно стоять на своём, верить в то, что делаешь и говоришь! Налейте вина Кузьмичу большую чару!

...Вспоминался тот случай почему-то много раз, а вместе с воспоминанием приходило сознание того, что вещей плотник говорил тогда правду. Ведь так всё и получилось.

А замыслил на другую он уже давно. В тот день в Немецкой слободе, у Лефорта, многие уж очень крепко познакомились: чужеземцы с Бахусом своим, а русские с Ивашкой Хмельницким. В плотном синем дыму от непрерывно попыхивающих десятков трубок тускло поблёскивали пуговицы и золотое шитьё, голос скрипки трудно пробивался сквозь громкие разговоры и смех, стук тяжёлых каблуков. Курить Пётр приучился уже несколько лет назад здесь же, в слободе, и не должна бы у него пойти кругом голова, нет, не в паре-тройке трубок было дело. Но сегодня в какой-то момент почему-то всё вокруг поплыло быстрее и быстрее, силуэты стали размываться, делаться нечёткими... Наверно, в течение жизни что-то вмешалось, пространство стало сужаться до какой-то неведомой точки, которая, по-видимому, находилась в соседней комнате, откуда начал доноситься звонкий, свежий, как подснежник, женский голос. Пётр собрался, прислушался. Хмель куда-то мгновенно исчез. А Лефорт уже бежал к источнику этого волшебного звука, уже вёл за руку юную прелестницу, скромно опутившую глаза, представил Петру как Анну Монс, дочь добропорядочного, трудолюбивого и благочестивого семейства. Он ещё что-то говорил о том, как любят Монсы общение и гостей, как собираются у них лучшие люди поселения, но Пётр слушал вполуха, разглядывая красавицу-немку. Особо отметил, что книксен её был не лёгким и слегка небрежным, как подобало бы резвой девушке, а строгим, аккуратным и слегка торжественным. Это ему понравилось. Девушка явно знала, перед кем стоит, и проявила должное почтение.

Лефорт, перехвативший восхищённый взгляд царя, извинился:

– Майн либер Питер, вынужден оставить вас, чтобы отдать некоторые распоряжения по дому. Думаю, что у вас найдётся, о чём поговорить, пока я не вернусь в скором времени.

Он незаметно исчез, а Пётр со всей напускной грубой неуклюжестью подростка, раньше времени ставшего мужчиной, спросил:

– Лет-то тебе сколько?

– Шестнадцать исполнилось, герр Питер.

В наступившей затем паузе Пётр, не скрываясь, жадно разглядывал красивую грудь Анны Монс, стройные бёдра в сочетании с тонкой талией. Она покорно сдавалась взгляду с затаённой улыбкой в уголках губ, опустив ресницы... Эх, потанцевать бы сейчас! Буйное желание охватило Петра, хотелось касаться этой девушки, чувствовать её дыхание...

Лефорт возник стремительно, будто и впрямь что-то почувствовав на расстоянии:

– Мин херц Питер! Сегодня танцы не были предусмотрены, но если будет такое желание, то...

Пётр стряхнул наваждение, уклонился от напора:

– Нет, пойду, пожалуй. В другой раз.

Лефорт всё-таки догнал его на улице, спросил осторожно, как бы невзначай:

– Правда, хороша наша Анхен?

Ответил искренне:

– Чертовски хороша. Но на таких женятся, Франц. А я ведь только недавно венчан.

Лефорт склонился в поклоне:

– Воля ваша, государь...

...И понеслось-поехало! Перетерпев пару дней, Пётр поручил верному камердинеру своему и неотлучному спутнику, теперь уже и другу Алексашке Меншикову поразузнать в слободке всё о жизни Монсов, об Анне, её предпочтениях и характере. Тот, как всегда, поработал добросовестно и преданно, и через несколько дней смог доложить государю все интересующие

его подробности. Меншиков и сам возник возле Петра именно в слободке, в лефортовском кругу. Он с его непонятным, туманным (скрываемым?) чешско-польско-литовско-русским и ещё Бог знает, с каким мелкопоместным происхождением был здесь из-за бедности и неродовитости совершенно незамечаемой фигурой, но всё же, в силу лёгкости характера, общительности, молодой мужской лихости признавался разноплеменными друзьями Лефорта своим человеком, при котором можно было говорить свободно. Да и пристало ли богатым купцам и ремесленникам, знатным людям оглядываться на сына конюха, бывшего юного приживалу, а сейчас – царского холуя и потешного бомбардира, солдатишку, который вместе с царём до сих пор играет в войну на полях Преображенского, Семёновского и Измайловского сёл! При этом забывали, что и сам Пётр был в том же звании и в том же Преображенском полку.

Пётр слушал, и душа его ликовала: по рассказу Алексашки выходило, что Анна Монс, а если точнее – Анна Маргрета Монсон, была совершенным сокровищем. О красоте её Пётр и слушать не стал: сам всё видел, сразу сердце потянулось, но вот о качествах характера девицы узнавал с некоторым удивлением. Была она, оказывается, смелой и ловкой, постоянно весёлой и... образованной, что так выгодно отличало её в глазах Петра от его жены. Меншиков в свои шестнадцать лет был уже достаточно опытным сердцедедом и подметил ещё одну особенность, говорившую об уме Анны:

– Она всегда свои слова и поступки будто на весах взвешивает, и если что и делает, то делает по своей воле, по своему решению. Своенравна, но упрямой не назовёшь, ум свой показывать не любит: как только почувствует, что дошла до грани, где будет видно её превосходство перед мужчиной, то тут же «допустит» шутиливую женскую глупость, сделав в этом танце-разговоре шаг назад.

Пётр слушал нетерпеливо, пристукивая подошвой по полу:

– Довольно. Будем брать эту крепость.

Меншиков склонился в почтении, но всё же, по своему обыкновению, на правах товарища во всех петровских затеях, своё мнение высказал, не поднимая головы:

– Ты прости меня, государь, но не дело ты затеял.

Пётр взял его за подбородок, вздёрнул голову:

– Почему? Отвечай!

Алексашка, друг сердешный, глянул прямо в глаза царю, как тот любил, и вкрадчиво, гася разгоравшиеся у Петра искры гнева, сказал о том, что Анну Монс готовят для выгодного замужества, и даже царю русскому в метрессы не отдадут...

Царь неожиданно расхохотался:

– Как это – не отдадут? Уговорим! Я даже и об заклад биться не буду – очень скоро!

– Так ведь скандалозус знатный получится, мин херц. А потом ведь царица – потерпит ли? Она наследника родила...

Пётр вскочил, схватил Меншикова за плечи, выкатил глаза страшно, чуть ли не прокричал:

– Я так хочу! А кто потерпит или не потерпит – это их, Лопухиных, дело! Тошно мне, Алексашка, тошно!

Меншиков усадил царя вновь на скамью, сам сел рядом, обхватил голову Петра, гладил по волосам и журчал, журчал ровным голосом:

– Успокойся, государь, успокойся, перечить никто не будет... Тебе никто, никогда и ни в чём перечить не будет...

И юный царь затихал постепенно и сдавался покорно настоящему теплу, которое чувствовал в таком уже привычном, почти родном голосе... слуги? раба? друга-товарища? соратника и собутыльника?

События разворачивались по классическим образцам. Пётр всё чаще и чаще посещал слободу, особенно тогда, когда многозначительно приглашал Лефорт. На всяческих вечерах с

танцами за Анной продолжали ухаживать кавалеры, особенно старался секретарь саксонского посольства Георг Гельбиг, но стоило прошелестеть по комнатам новости о прибытии русского царя, как тут же вокруг Анны образовывалась пустота, которую Пётр занимал один и всю без остатка. Ни одно его появление не обходилось без каких-то драгоценных украшений в подарок; вслед за сдержанным вздохом матери Анны о наступивших трудных временах последовало приказание о начале строительства каменного дома для Анны Монс...

Мать повсюду следовала за дочерью и её венценосным поклонником, рядом же неизменно появлялся генерал-майор Лефорт, получивший это звание совсем недавно, по случаю рождения у царя наследника. Постепенно от этих посещений был отстранён Меншиков. Умный и умеющий анализировать обстановку, он прекрасно понимал, что Лефорт неминуемо подталкивает царя к новому браку, после которого Меншикову уже места в окружении царя не найдётся. Поэтому он продолжал наблюдать и собирать сведения обо всём, что могло представлять интерес.

Всё происходило стремительно. Несмотря на многочисленные подарки, которыми царь, никого не таясь, осыпал Анну, на все предложения и просьбы о randevу тет-а-тет она отвечала твёрдым отказом, говоря о том, что подобные встречи возможны лишь в браке. Пётр действовал всё нетерпеливее. Он уже почти всё свободное от своих занятий время проводил в Немецкой слободе, где регулярно проигрывал сражения с Ивашкой Хмельницким. В этих битвах его неизменным союзником был Лефорт, давний мастер в такой борьбе. Про него говорили, что хмель в нём не задерживается, что пить он может сутками подряд. Алексашка, правда, заметил однажды, как Лефорт случайно проливал кубок за кубком на пол, не жалея венгерского, любимого вина Петра. С тех пор Меншиков, сам умелец в этом деле, не верил в питейное всемогущество Лефорта и упросил-таки царя постоянно сопровождать его во всех застольях, особенно в Немецкой слободе.

Как-то, после бесконечных танцев, разгорячённый страстью, Пётр пытался утопить её в вине. Лефорт усердно помогал ему в этом безнадёжном занятии. На какой-то стадии оба они заговорили об Анне. Пётр чуть ли не жалобно сказал:

– Лефорт, ты умный, ты объясни мне, почему она меня не подпускает? Она что – думает, что я слаб волей и не могу её, непокорную, просто удалить из России вместе со всем её семейством? А ведь я – царь русский. Царь! И доведёт она меня до этого. А ведь могла бы славно жить!

Лефорт лихорадочно осмысливал услышанное, и в ответ начал было что-то мямлить, но вмешался Алексашка, истуканом стоявший у них за спиной:

– Дозволь, государь, я несколько слов Францу скажу.

Пётр вяло махнул рукой: валяй, мол. Меншиков склонился к уху Лефорта, предварительно осторожно приподняв букли парика двумя пальцами, и зашептал горячо, сторожко поглядывая вокруг. Пётр наблюдал за смешной сценой: Лефорт был почти вдвое старше и Алексашки, и самого царя. Меншиков выглядел рядом с ним совсем уж подростком. Однако по мере того, как он говорил, лицо Лефорта всё вытягивалось, и появилась на нём печать мрачной задумчивости.

Закончив говорить, Меншиков сделал шаг назад и снова замер, вроде бы безразличный ко всему. После небольшой паузы Франц Яковлевич продолжил разговор, но на сей раз он был человеком, принявшим неожиданно очень трудное для себя, но твёрдое решение:

– Мин херц Питер! Я помогу тебе. Завтра... да, завтра здесь, у меня воздадим дань славному нашему Бахусу, позже придёт Анхен, а мне тот же час просто необходимо ввечеру заглянуть кое к кому по делам, не терпящим отлагательства, так что дом останется полностью в твоём распоряжении, государь. Я думаю – мою провинность и моё отсутствие скрасит очаровательная Анна Монс. Надеюсь, ваша беседа будет чрезвычайно интересной.

По сему всё и произошло. На следующий день у Лефорта возлияния продолжались долго и к моменту появления Анны Пётр вроде бы уже успел позабыть – зачем он пришёл в этот дом и почему так торопливо, опустив глаза, хозяин исчез вместе с Алексашкой, который, впрочем, не преминул испросить у царя на то разрешение. Они отправились в дом к Монсам, там долго пили и объясняли мамаше-Монсихе, что всё на свете делается к лучшему...

А слух уже бежал от дома к дому, добропорядочные хозяйки поджимали губы, возводили глаза к небу. В Немецкой слободе все и всё всегда знали. Наблюдали за ухаживаниями и даже спорили – станет ли Анхен русской царицей или просто побудет какое-то время в фаворе. Многие знали о том, что товар-то с гнильцой, что девства нет давным-давно, уже с год, а то и более, что Лефорт, уже потрудившийся на этом поприще, попросту хотел законно пристроить юнг-фрау на престол, тайно сохраняя и свой амурный интерес. А уж по поговорке «Что знают двое, то знает и свинья» тайна сия вышла наружу и для Алексашки. Тот мгновенно раскусил замысел чужеземцев, понял далеко идущие цели, и накануне решительного свидания сообщил все полученные сведения своему царственному другу. Чего в этом рассказе было больше: заботы о государстве Российском или боязни потерять дружбу Петра, взвесить не сможет никто. Но факт был царю сообщён. Меншиков за правду отвечал головой:

– Ежели оболгали её и я окажусь клеветником, то твоя воля, государь, поступить со мной, как считаешь нужным.

Пётр ощерился смешно, сказал:

– А разве не моя воля тебе, дураку, не поверить вот сейчас, ничего не проверяя?

Побледневший Алексашка молчал.

– То-то! Не забывайся.

После непродолжительных раздумий, противу ожидания Меншикова, Пётр не только не обозлился на Лефорта, не только не приказал удалить его от себя, но даже восхищённо прищёлкнул пальцами:

– Ну, Лефорт! Ну, пострел! И тут успел! При злодейке Софье в фаворитах состоял, теперь вот с Анной... Но тот же Лефорт от Софьи отмежевался со своими стрельцами, в бунте не участвовал, а сразу на мою сторону переметнулся, чем и помог вельми. Да если б не это, только того Франца и видели бы!

Велел Алексашке молчать. Молчание было выгодно всем – и Петру, у которого в некотором смысле оказались развязанными руки; и Лефорту, который после угрозы Меншикова разоблачить интригу перед Петром тоже просил молчать и не сообщать ничего царю. Правда, при этом он недооценил преданность Алексашки... В той, не самой главной в жизни Петра, шахматной партии Лефорт не смог сохранить ценную фигуру, но и не утратил прочные позиции. Не утратил, впрочем, и надежд на то, что со временем начнётся партия новая, где известная фигура второго плана выйдет всё же вперёд и станет-таки королевой, то бишь, царицей. Спустя много лет, вспоминая давнюю и почти поглощённую новыми событиями историю, Пётр Алексеевич отчётливо сознавал, что отношение его к той интриге менялось с годами. Вначале, готовившись к длительной осаде крепости и узнав, что ворота открыты и только и ждут победителя, он, естественно, радовался победе меньше, но гордился тем, что удалось сохранить нужного ему человека, которого мысленно называл лоцманом в неизвестном ему бурном и сложном море европейской жизни. Франца Яковлевича и его родню Пётр видел своей опорой в стремлении переделывать Россию, свернуть её с накатанной колеи на новый путь мировой державы. И лишиться такой поддержки из-за очаровательной, прекрасной, но всего лишь женщины, было бы просто смешно.

А сама Анна... Наверно, у неё не было выбора. Лефорт, видимо, взял её с наскока, а дальше им ничего не оставалось, как держать в тайне этот грех, хотя – какие там уж тайны... Но когда Анна Монс сдалась молодому русскому правителю, она, казалось Петру, по-настоящему полюбила его и всячески заботилась о нём, постоянно напоминала о себе милыми знаками

внимания при долгом отсутствии. Запомнился гонец, прибывший к нему под Азов, в самый разгар тяжёлой осады. Узнав, от кого прислан ящик из крепкого палисандрового дерева, Пётр в нетерпении разломал его мощными, жилистыми руками и увидел несколько флаконов самого любимого тогда его питья – цидреоли и приложенные к ним буквально драгоценные фрукты – лимоны и апельсины. Жадно схватив письмо, он увидел ровные строчки, написанные почерком её секретаря: ему Анна, не умея писать по-русски, всегда диктовала свои послания, кроме тех строк, которые предназначались только Петру. Так... Это всё – потом... Где?.. А, вот. По-немецки. Это уж она сама... «Если бы у меня, убогой, крылья были бы, я бы тебе, милостивому государю, сама бы цидреоль принесла. Не гневись, кушай на здоровье, и больше бы прислала, да не смогла достать. Гораздо без вас скучаю, для Бога приезжайте скорей. Верная Анна».

Верная... Шёл год за годом, и Пётр всё яснее понимал, что эта женщина стала для него бедой, наваждением, колдовским кольцом, вырваться из которого не было ни желания, ни сил. Всё реже и реже вспоминал он о жене, наследник рос как-то без него, без его участия. И всё чаще он думал, как о неизбежности, о разводе и новом браке. Знал, какой вой поднимется при одном только упоминании об Анне как о русской царице, как и без того довольно тусклые будут гаснуть преданность и поддержка древних родов боярских, да и многих сподвижников, но не боялся этого. Он к этому времени уже прочно усвоил на практике, как можно укоротить смутьянов, как расчищать поле для дальнейших битв. Всех, кто пытался ему сопротивляться, он давил беспощадной волей человека, который вынужден был порой быть тираном.

И знал при этом, как ненавидят его многие. Он твёрдо усвоил ещё один урок, преподанный ему старцем Кузьмичом. Тогда оказалось, что корабельный шпангоут, над которым Пётр работал, оказался неправильной кривизны. Кузьмич заметил оплошку сразу и, не сказав ни слова, стал рубить шпангоут на куски. Царь, не понимая, тарачился на него, а тот продолжал своё разрушительное дело. Пётр не выдержал:

– Послушай, старик, ведь его можно было выправить!

Кузьмич помолчал, потом сказал твёрдо и убеждённо:

– В любом деле, государь, нужно или быстро заметить неправильность и сразу начать исправлять, или, если дело далеко зашло, исправлять станет дороже, чем если бы ты заново начал работать. Кривой дом исправить невозможно, его надо только раскатать по брёвнышку и ставить заново... А иногда и про себя не мешает подумать: может, дом-то и не кривой вовсе, может, это кривда глаза тебе замазала?

Пётр хотел было возразить, что, мол, и второй раз можно нагородить глупостей неумевючи, если не знаешь – как, или руки не к тому месту приставлены, не к работе, а к мздоимству приспособлены. Но спорить не стал, а молча потащил на козлы новое бревно. А слова Кузьмича всё же запомнились. Во время долгих отлучек Пётр, хотя и не считал себя в чём-то обязанным перед Анной, всё же не склонялся к женскому обществу. Он изнурял себя разнообразными трудами, ремёслами, науками и планами. В этом он оставался царём, несмотря на то, что плотник Пётр Михайлов, каковым он числился в составе Великого посольства и сопровождающих его лиц, строго следил, чтобы его называли только так. Но как царь он, конечно, мог позволить себе такой отдых. Был, правда, во время той поездки пару раз кутёж в малом кругу с участием женщин, буквально притащенных Алексашкой чуть ли не с улицы. Да ещё в Англии был случай. В Лондоне уловил Пётр взгляд расширенных... восторгом? страхом перед неизведанным? любопытством? страстью?.. женских глаз. Велел узнать – кто такая. Оказалось – актёрка. Летиция Кросс. О встречах договорились быстро, но вернувшись после одного из свиданий, Пётр хмуро протянул Меншикову кошелёк:

– Здесь пять сотен гиней. Поди, передай ей на прощанье.

Александр Данилович никогда не удивлялся никаким поручениям и немедленно отправился к Летиции. Дама, конечно, огорчилась, но не замедлила тут же проверить содержимое кошелька. После этого огорчение её возросло, и она не преминула заметить, что русский царь

мог бы быть и пощеднее. Изобразив послушного исполнителя, Меншиков скучным голосом, глядя в потолок, ответил:

– Не могу знать, сударыня, про царя. Но именно столько я должен передать вам от плотника Михайлова за безнадежно испорченный им трельяж старинной работы, который он не сумел починить.

Позже, докладывая Петру, Данилыч сообщил ему и об этом недовольстве актрисы. Пётр нахмурился, сказал:

– Ты, Меншиков, мот известный, уж ты заплатил бы отступного больше. А ведь за такие деньги у меня служат старики с усердием и умом, а эта – худо служила.

Меншиков согласно склонился:

– Что ж, какова работа, такова и плата!

Когда пришёл срок возвращаться, Пётр был взвинчен разлукой до такой степени, что по приезде в Москву, несмотря на сложнейшие и тяжёлые дела по следствию о раскрытом заговоре, устроил только лишь короткий приём в Преображенском дворе, где неожиданно самостоятельно взялся резать бороды упрямым боярам. Первым попался один из самых верных людей – воевода Шеин, совсем недавно получивший от царя звание генералиссимуса за успехи в азовском походе и осаде крепости. Унижение он снёс внешне спокойно, даже покорно. И когда через год скончался неожиданно, то никто не вспомнил эпизод с бородой. А ведь именно он был таким потрясением для Шеина, что сердце его отказалось жить... Так вот после того приёма, которым Пётр обозначил для всех, что он вернулся для дел грозных и решительных, он велел ехать прямо к дому Анны Монс. Лефорт попытался деликатно ему напомнить, что так поступать – неудобно, что Евдокия, законная супруга, и наследник ни в чём не виноваты и достойны первыми принимать мужа и отца. Пётр отмахнулся от Лефорта, как от надоедливой мухи, и внешне даже несколько охладил к нему.

Неприличие ситуации, разумеется, было тотчас же замечено в слободе. Отто Плейер, австрийский посол, в своём донесении написал: «Крайне, крайне удивительно, что царь, против всякого ожидания, после столь долговременного отсутствия ещё одержим прежнюю страстью: он тотчас по приезде посетил немку Монс». А один из сотрудников того же австрийского посольства, отвечавший за точную фиксацию всего, что происходило в России, записал 15 января 1699 года: «День рождения какой-то девицы из простого звания (говорят, дочери золотых дел мастера Монса) был удостоен присутствием его царского величества в доме её отца». Впрочем, и все остальные иностранные послы тоже почувствовали, что в ближайшем будущем можно ожидать больших перемен в Москве. Если верить распространившимся слухам, то вскоре русский царь удалит от себя прежнюю жену и женится на Анне, что весьма выгодно будет для всех иностранцев в России.

## 6

Во всех этих разговорах, домыслах, замыслах, планах на будущее не участвовал, пожалуй, только один человек. Генерал-лейтенанту Францу Яковлевичу Лефорту было за год до начала нового века сорок три, возраст уже весьма почтенный. Он и сам уже чувствовал, что его сумбурная, полная авантюр и побед жизнь начинает клониться к закату. И теперь, особенно после размолвки с царём, он часто задавал себе вопрос: кем стал для него Пётр? Другом, союзником, хозяином? И родина его – где? В Женеве, где он родился? В тех странах, где жил и нёс службу наёмника, в полном соответствии с непоседливой жилкой в его характере? Нет, четверть века службы в России никак нельзя сбросить со счетов. Как ни крути, а именно эта страна дала ему в жизни всё, чего он добился. Добился шпагой, умом, непрерывной работой вместе с этим царственным русским вундеркиндом то на потешных полях, то под Азовом, уже под реальными пулями и ядрами, где был обожжён и получил тяжёлую рану при падении с коня,

то при строительстве новой русской армии и первого военного корабля... А сколько ещё всего было! Победа при втором походе на Азов, когда Лефорт за личную отвагу и организаторскую работу стал наместником великого княжества Новгородского. Поездки на север, из которых впоследствии родился русский флот... И рядом всё рос и рос далеко уже не мальчишка, которому он вполне мог бы быть отцом, и становился могучим государем страны, которая с ним тоже крепчала и росла, становясь на ноги и отбиваясь от врагов... Ещё совсем свежи в памяти европейские труды и дипломатические хитрости да тонкости, когда Лефорт был одним из возглавивших Великое Посольство и связующим звеном между Россией и Европой. Ещё не забыта бешеная езда с царём, Головиным и Меншиковым из Вены в Россию, откуда накануне их отъезда в Венецию пришли худые вести о взбунтовавшихся стрельцах, заслуживших славу ещё под Азовом. Несколько тысяч опытных вооружённых воинов, став под незримое крыло Софьи Алексеевны, умело подогреваемые её сторонниками, отказались подчиниться приказу идти в Великие Луки, устранили всех своих начальников. Простонародье тут же стало примыкать к бунтовщикам. Этой стихии сумели противостоять генерал Гордон и стрельцы из Бутырского и Первого Отборного полка. А полк этот размещался в построенной по плану Лефорта московской солдатской слободе, и командовал им с 1692 года сам Франц Яковлевич. А потом были не выветривающиеся из памяти страшные дни, когда он вместе с государем и Меншиковым, а также с министрами и генералами принял участие в следствии по делу о бунте. Следствие? Нет, это были потоки крови, невыносимые муки и крики пытаемых. Царь был страшен. Он сам раздал всем сподвижникам топоры и велел каждому рубить головы стрельцам. Меншиков растерялся, его стошнило, ударил топором неудачно – лезвие подвернулось, хлынула кровь, человек был ещё жив. Пётр подскочил:

– Раззява! Чёрную работу делать брезгуешь?! Эту нечисть под корень надо, под корень!

Меншиков не успел ничего сказать в ответ, царь выхватил у него из рук топор и почти без замаха ударил им с такой силой, что плаха раскололась, а голова покатила в дальний угол пыточной...

Лефорт словно окаменел: ничего не видел, сжал зубы и рубил, рубил механически и без остановок... А Пётр мстил. За детский ещё ужас и страшные картины, когда вот такие же стрельцы поднимали на копья людей, которые были к нему, маленькому, ласковы, за тянущиеся через всю жизнь ночные кошмары, за трясущуюся голову и неожиданно обрушивающиеся припадки...

Увильнуть или, не дай Бог, возразить было невозможно: яростный царь в своём припадке не хотел и не мог слышать никого и ничего. Любая непокорность любому стоила бы жизни немедленно и бесповоротно. И они, подчиняясь приказу и личному примеру царя, денно и нощно пытали и допрашивали стрельцов, а после вместе с царём рубили им головы, связывая себя кровью... Тогда-то и понял Франц Лефорт, что никакая карьера, никакое благополучное существование невозможны отныне в прежнем виде.

Ещё несколько лет назад, когда Франц Яковлевич возмечтал о новой царице Анне, и затея эта не удалась, он был огорчён весьма, но вскоре стал ближайшим другом и наставником царя (это если не считать Меншикова), предел его мечтаний был достигнут и без помощи бывшей любовницы. Кстати, та довольно долго ещё тайно принимала и его в промежутках между страстными свиданиями с неугомонным царём, осыпанная бесконечными подарками – деревнями с крепостными людьми, значительным ежегодным пособием, домами, драгоценностями.

Впрочем, Анне Монс оказалось мало таких подношений. Всё чаще и чаще она стала пользоваться помощью Петра в решении всяческих проблем её родственников и знакомых, а ещё через несколько лет влияние её при дворе так возросло, что она уже могла к царю и не обращаться, достаточно было просто сослаться на него, на его якобы положительное решение. Пётр Алексеевич, уже к тому времени опытный властитель, разумеется, знал о таких случаях (доно-

сительство на Руси процветало с давних времён), но поскольку речь шла о каких-то, с его точки зрения, мелочах, то он и не обращал на них внимания. На шахматной доске политики и государственного устройства вот-вот должна была начать действовать оставленная для любовных утех фигура.

Лефорт отлично видел, что дело идёт к тому. Но к нынешнему времени он полностью утратил интерес к такой интриге, его собственная страсть подзабылась и смирилась. И сегодня генерал-лейтенант отнюдь не был уверен, что с появлением новой царицы продолжатся его дело, его служба, которым он посвятил уже так много лет. Когда-то давно, во время очередного сражения с Бахусом, государь спросил его неожиданно всерьёз:

– Майн либер Франц! Ежели тебя Господь призовет и спросит: а в чём смысл твоей жизни? Что ответственность будешь?

Лефорт не замедлил с ответом:

– Я сказал бы, что на опасной высоте придворного счастья стоял неколебимо!

Разве мог он знать, что Пётр запомнит его ответ, и слова эти будут высечены в скором времени на мраморной надгробной доске...

А события не просто назревали, они неумолимо двигались к логическому финалу. И десяти дней не прошло после прибытия царя в Москву из длительной поездки по Европе, как Пётр в приступе гнева хотел казнить, а потом, после заступничества Лефорта и вмешательства патриарха, на которых Пётр кричал как на напраказивших мальчишек, несколько уступил и насильно отправил Евдокию, свою жену, в монастырь. То есть фактически развёлся с ней перед Богом и людьми.

Она отказывалась... Она умоляла не делать этого, но решение было принято уже давно. Ещё будучи в Англии, Пётр окончательно в нём утвердился. Теперь у царя в смысле нового бракосочетания были развязаны руки и, возможно, таковое не замедлило бы ждать, но...

Произошли два события, которые сильно подействовали на Петра, буквально изменив его жизнь.

Неожиданно умер Лефорт. На его обычно жизнерадостный тонус, хабитус, отмечал консилиум врачей, собравшийся со всей Москвы, наложили отпечаток участие в следствии по делу о стрелецком бунте и охлаждение отношений с царём. Мрачные мысли и упадок настроения стали фоном, на котором подлеченное было во время поездки в Европу воспаление старых ран, полученных ещё при Азове, организму трудно было преодолеть. Он не поехал с царём в Воронеж, снедаемый горячкой, и... пил при каждом удобном случае, стараясь хоть так отодвинуть преследовавшие его кошмары...

Посыльный на юг, где в этот момент царь уже инспектировал строительство новых кораблей и сам принимал в нём участие, за четыре дня загнал двух лошадей. Быстрее донести ужасную весть было невозможно. Пётр, потемнев лицом, в ту же минуту велел возвращаться. И уже через два дня, 8 марта, он был в Москве у тела покойного, стоял сумрачный, с красными глазами, щека, обожжённая когда-то в потешном бою разорвавшейся рядом бомбой, подёргивалась. Он сам почувствовал, что вот-вот не выдержит и даст волю слезам. Ничего и никого не видящими глазами он обвёл комнату, сказал глухо:

– На кого я теперь могу положиться? Он один был верен мне!

Поцеловал покойника в лоб и выбежал.

Три дня прошли в приготовлениях к похоронам – таким, каких Москва не видела даже при смерти самых знатных людей. А они, эти знатные люди, не любили Лефорта, его шумную и сверкающую искрами жизнь, считая его выскочкой, которому посчастливилось оказаться рядом с тронном. Собственно говоря, для этого было немало оснований – шумные кутежи, амурные победы... Но другие, те, кто близко стоял к Петру, хорошо помнили о его участии в турецком и крымском походах, о его личной отваге, о создании под собственным командованием пятна-

дцатитысячного Первого Отборного полка, о том, как, не будучи моряком, за огромный труд по организации русского флота он стал адмиралом даже после неудачной первой осады Азова. Успешные действия флота во время второй осады и взятия Азова окончательно укрепили его в числе не только самых активных участников перевода русской армии на новые принципы, но и в числе создателей морской мощи России, которая была явлена миру много лет спустя.

За день до похорон царю донесли, что среди многочисленных родственников Лефорта проявилось недовольство, поскольку оставил Франц Яковлевич много долгов и... никакого имущества. Даже в роскошном доме, который Пётр подарил Лефорту после недавнего стрелецкого бунта, этот странный и непонятный человек практически не стал жить, превратил его во дворец и предназначил царю, где тот уже успел провести несколько торжественных приёмов. Пётр был потрясён, узнав о том, что всевластная мохнатая лапа мздоимства, коснувшаяся в той или иной степени всех его приближённых, обошла Лефорта стороной. Привыкнув действовать быстро и решительно, он тотчас же распорядился все долги Франца Лефорта покрыть за счёт казны.

11 марта, к восьми часам утра, когда был назначен вынос тела, со всех концов Москвы съехались все родственники, военные, думские дьяки, иностранные послы, дипломаты, бояре, потянулся простой люд на Кукуй, к Немецкой слободе: посмотреть, как любимого царского немца хоронят. Любопытствующие во все глаза смотрели на строящиеся Преображенский, Семёновский и Первый Отборный, лефортовский, полки. Видели царя, который сам стоял во главе первой роты преображенцев, показывали пальцами на стоявшего особняком Бориса Петровича Шереметева в тёмном немецком наряде и с чужеземным орденом на груди. Что-то не ладилось, доносилась негромкая ругань по-немецки и по-русски, уже и устали все стоять, а вынос всё оттягивался...

В полдень всё ж пошли. В маленькую церковку могли попасть немногие, но после короткого прощального слова пастора Штумпфа, по дороге к кладбищу, процессия развернулась во всё своём скорбном и грозном великолепии. Трубачи, барабанщики, знамёна, залпы ружейные, орудийные... Сорок орудий провожали выстрелами гроб, покрытый чёрным шёлком с золотыми позументами. При одном из залпов то ли замешкался, то ли споткнулся заряжающий Васка Кожемякин и попал под пороховой заряд, снесший ему голову. Многие, стоявшие на обочине, сочли его гибель особым знаком свыше, предзнаменованием каких-то ужасных событий. Шёпотом поминали антихриста и конец света...

Было и ещё одно происшествие, на которое обратили внимание немногие. Не успела процессия отойти от церкви, как родственники Лефорта, дипломаты, его друзья-иностранцы, шедшие непосредственно за гробом, были отеснены назад, и место их было занято шустрými боярами, посчитавшими, что именно их должны видеть люди во главе погребального кортежа. Заметив это, Пётр подошёл к полковнику Пьеру Лефорту, племяннику усопшего, спросил:

– Кто нарушил порядок? Почему идут позади те, кто только что шли впереди?

Лефорт грустно пожал плечами:

– Русские самовольно так решили...

Пётр даже застонал сквозь стиснутые зубы:

– Ну, не собаки ли, а? И это – бояре мои?

Но перестраивать процессию всё же не стал.

За поминальным столом царю стало совсем плохо. Он задыхался, прилагая немалые усилия к тому, чтобы никто не обратил на это внимание. Опустил низко голову, слёзы текли по его лицу, но он не хотел быть замеченным в этой слабости, поэтому внимательно будто бы разглядывал золотое кольцо, какое предназначалось в подарок каждому, пришедшему на поминки. На кольцах были гравированы символ Смерти и дата кончины Лефорта.

Когда уж совсем стало не вмоготу, вышел во двор, расстёгивая на ходу ворот, стоял долго, переводя дыхание, в стороне от крыльца, никем не замечаемый. Был в Москве ослепительный

мартовский день с ярчайшим солнцем, почти уже растаявшим снегом, весёлыми ручейками и невероятной в другое время года лазурью неба с плывущими по нему плавно облаками... Отдышавшись, вдруг почувствовал за спиной какое-то движение. Оглянулся. С крыльца, украдкой поглядывая по сторонам, торопливо сбегали российские казённые люди. Убегали с похорон так не нравившегося им иностранца, чужака, проститься с которым они пришли не по воле сердца, не по личной приязни или хотя бы только уважению, а единственно потому, что боялись гнева царя. Пётр вспомнил правильные слова, говорившиеся на поминках, произносимые монотонно и фальшиво, бешенство уже подступило к горлу. Встала перед глазами утренняя картина, когда в доме Лефорта те же чиновники, будто забыв, куда и зачем они пришли, сначала осторожно, украдкой, стали таскать еду с накрытых для поминок столов. Уже несколько минут спустя движение усилилось, и столы стали пустеть мгновенно. Только Шереметев стоял у стены, подняв голову, с брезгливой миной...

Пётр вышел из тени и со всей возможной горькой язвительностью обратился к убежавшим, а теперь застывшим в неподвижности:

– А куда это вы так торопитесь? Государственные неотложные дела решать? Или подумали, что я уже уехал, можно и наплевать на покойника? Да ведь вы все мизинца Франца Яковлевича не стоите, малую толику того, что он сделал для России, не делаете! Ну, не любите вы его, ваше дело, но уважение явить нужно хотя бы! Быть может, вы радуетесь его смерти? Или его кончина большую принесла вам пользу? Почему расходитесь? Статья может, потому, что от большой радости вы не в состоянии долее притворно морщить лица и принимать печальный вид! Да любой из вас на царской службе за год уворовал столько, сколько честно заработал этот наёмник-чужеземец за всю свою жизнь на этой земле. А ещё говорите: русская душа – широкая душа. Так докажите! Все – назад, немедленно!!

...Горевал Меншиков. По-другому, не так, как царь. Лефорт никогда не был ему близким другом, но наставником-советчиком, остроумцем и лёгким в беседе человеком – был. По вере своей в будущее России, по совместному участию во многих неотложных и опасных делах – был он Александру Даниловичу единоверцем, несмотря на происхождение, на разный культурный уровень, на большую разницу в возрасте. У Петра было немало верных приближённых, но то были помощники царя, а Лефорт и Меншиков постепенно, независимо друг от друга, втайне недолюбливая друг друга, каждый своим путём, стали личными друзьями Петра, видевшими в нём в первую очередь человека. Теперь Данилыч остался другом единственным и незаменимым...

...Горевала Анна Монс. Теперь, когда засиял было перед ней совсем реальный русский трон, смерть Лефорта – давнего её... рулевого, управлявшего всеми её действиями, была серьёзной помехой. Шахматная партия, в которой Анна отнюдь не желала быть пешкой, уже, казалось, была близка к завершению, и державшийся в последнее время на почтительном расстоянии Лефорт был ей нужен именно сейчас, в триумфальном финале. Однако теперь, без Лефорта, она вынуждена будет удвоить внимание к царю, ведь в любой момент, это она знала точно, изучив характер Петра, рядом с ним могла появиться пока неизвестная ей женщина, которая сумеет взять горделивого и непокорного в свои руки.

Время шло, но горизонт вокруг Петра был чист, не замечались признаки каких-то женских опасностей. Происходили поистине ужасные вещи: началась война с Карлом, русские потерпели поражение чуть ли не в самом первом сражении со шведами под стенами Нарвы. И сразу же – рывок вперёд, к работе, работе, работе... Пётр метался от одной военной стычки к другой, закладывал оборонительные сооружения, начал строительство нового города на Неве, одновременно строились корабли и верфи, умирялись всяческие бунты на огромном пространстве Руси... Да до женитьбы ли тут? Она это прекрасно понимала. Это вначале она надеялась, что теперь, после смерти Лефорта, в холодной пустоте Петра потянет к ней. Но пустоту эту стремительно заполнил вал событий, и Анна Монс три года смирялась с отведённой ей

царём ролью только и только любовницы. Холодным умом просчитывая ситуацию, она прекрасно понимала, что если прежде у него и рождались мысли о новом браке, если удаление в монастырь первой жены явственно для многих указывало на первый шаг к осуществлению такого замысла, то позже всплеск таких чувств утих. Обстановка отнюдь не способствовала мыслям о новой женитьбе...

А Пётр... При всех достоинствах красавицы Анхен он всё же никак не мог сделать решительный шаг. Удерживало царя природное чутьё, интуиция и... нежелание или неспособность Анны иметь детей. Зря народ не скажет: на торной тропе и трава не растёт. А посему статус-кво сохранялось, и конца ему не было видно...

Меншиков при всей своей малообразованности имел недюжинный ум, позволявший ему и устраивать собственные дела, и в очень большой степени пользоваться казной, и блестяще выполнять все поручения царя. Даже в бою это свойство позволяло ему быть увёртливым и неуязвимым – хитёр и ловок был Данилыч, умел просчитывать далеко вперёд каждый свой шаг.

Но недаром слово молвится: человек предполагает, а Господь располагает. И расположил он Меншикова к размышлению о ближайшем будущем и о своём месте в нём. И подумал он грешным делом, что Монсиха, так долго и прочно державшая царя в руках, близка к цели, поскольку реальные шаги к этой цели уже сделал сам Пётр, устранив в дальние дали жену свою.

Самым верным путём в этой ситуации было бы добиться охлаждения между царём и красавицей Анхен. Обаятельный кавалер, имевший на своём счету немало блистательных амурных побед, в этой ситуации Меншиков не мог и подумать об умышленно заметных Петру своих действиях в этом направлении, рискуя навлечь на себя не просто гнев царя, а и просто – лишение головы. Да, пытаться атаковать открыто самому – было безумием, надлежало или подыскать Анне кавалера, или державному другу своему предложить настоящий адамант, завладев которым царь напрочь потеряет голову и отвлечётся от колдовского наваждения в лице Анны Монс.

А адамант у Данилыча, действительно, был.

...Эта женщина чуть ли не от рождения была сплошной загадкой. Маленькой ещё девочкой её приютили чужие люди, потом Марту отдали на воспитание к священнику, позже, после смерти родителей от чумы, – перешла в дом к пастору Глюку в Мариенбурге, где получала воспитание и нерегулярное образование. Выросла Марта поистине красавицей. Созрела рано, потому пастор посчитал нужным отдать её, покорную и послушную, замуж за простого солдата Иоганна Крузе, который был трубачом в своём полку. Она даже не успела понять: что это такое – быть замужем, потому что буквально на следующий день солдат отправился вместе со своим полком воевать против русских.

Он так и не вернулся. А вскоре русские осадили Мариенбург, взяли его штурмом, и несколько дней продолжалась вакханалия победителей, обычная для всех стран и для всех тогдашних войн. В качестве прекрасного трофея Марта переходила из рук в руки, постепенно повышаясь в чине: от солдата до фельдмаршала Шереметева, который взял её в служанки. Пятидесятилетний Борис Петрович, будучи человеком в возрасте уже несколько перезрелом, не очень-то рассчитывал на внимание Марты, но, видимо, надеялся на то, что иногда, как-нибудь... Редкие радости рухнули через несколько месяцев, когда захвативший к фельдмаршалу Меншиков заметил красавицу и попросту, в довольно бесцеремонной форме, забрал её у Шереметева, объяснив, что Марта нужна ему для дел более молодых и более важных, чем мытьё посуды и стирка белья.

Дела столь важные устроились сразу. На сей раз судьбой своей Марта была довольна: Меншиков был красив, богат и щедр. И уж никак не шёл в сравнение с робким Шереметевым. Именно в доме Меншикова Марта стала Екатериной, потому что Александр Данилович сказал:

– Ты мне эти протестантские-лютеранские штучки брось! Какая ты Марта! Будешь Екатериной, вдовой солдатской. Муж-то у тебя кто был? Трубач? Ну, значит, будешь Трубачёвой.

И осталась бы Марта надолго Екатериной Трубачёвой, экономкой в доме Меншикова, если бы на исходе зимы вечером, в пургу, не голоса на дворе, не мощный стук в двери да зычный голос:

– Открывай, майн либсте камарат! Ты дома ли?

Александр Данилович ахнул:

– Государь приехал! Катя! Палашка! Всё, что есть в печи, всё на стол мечи, как говорится! Дорогой гость на пороге! Вина венгерского побольше да ренского! – Кричал это всё, уже открывая двери, кланяясь и обнимаясь, чтобы чувствовал царь, как его здесь любят и принимают.

Пётр, как часто случалось, был шумен и весел. Поесть в немалых количествах он любил с детства. Буйная энергия его постоянно требовала подпитки и кратковременного отдыха. Поэтому он ел везде, где появлялась такая возможность, и пил в немалых количествах, редко пьянея. Зато днём, где бы ни находился, ложился спать на часок-другой и вставал уже готовым к новым делам. Вот и на сей раз он, по обычаю своему, сметал всё приготовленное со стола да нахваливал всю красавицу-экономку с глазами, в которых мелькали озорные чертенята.

Меншиков очень быстро сообразил, чем закончится вечер. И пока царь рассказывал о новостях в Нотебурге, откуда он направлялся в Ливонию, о делах, которые ему там предстоят, Меншиков замечал округлившиеся масляные огромные глаза Петра, из-за которых его в детстве называли котом, и вздыбившиеся жёсткие усы – верный признак желания. Видел, как скользил взгляд по тому, что ему самому так нравилось: пышным формам Катерины, так выгодно отличавшим её от Анны. Он уже смирился с неизбежным, и сам был готов отдать распоряжение Кате, но Пётр внезапно откинулся от стола:

– Пойду к тебе наверх, майн брудер! Отдохну.

Затем, придвинувшись к уху Алексашки:

– Скажи, пусть придёт.

Меншиков молча склонил голову. А когда Пётр поднялся по лестнице, в ответ на вопросительный взгляд Катерины хмуро сказал:

– Иди. Помоги там.

Взгляд Катерины застыл, что вызвало у Меншикова нервный вскрик:

– Иди, дурёха! Это – царь!

... Утром Пётр уехал. Катерина вышла, опустив взгляд, зажав что-то в кулаке.

– Что там у тебя? – спросил Меншиков.

Катерина разжала кулак и протянула ладонь. На ней лежала монета в один дукат.

– Эту деньгу царь оставил мне. На память. Но услужили царю именно вы, Александр Данилович, так что правильно будет, если такая память будет у вас...

– Катя! Хоть ты бы пожалела меня! Не мог я поперёк воли пойти!

– Понимаю я, понимаю...

Анна Монс, конечно же, узнала о царской случайности уже вскоре после поездки царя, как знала и прежде о подобных ситуациях. Она верила в то, что это была именно случайность, что не получит она продолжения. Она была вполне уверена в расположении к ней царя даже тогда, когда ей сообщили, что Пётр стал проводить с Екатериной по несколько дней кряду. Уверенность эта держалась на том, что царь неизменно после амурных отлучек возвращался к ней и продолжал одарять её деньгами и деревнями. И виделся ей уже русский престол в близкой реальности... Как же она заблуждалась! Престол с каждым днём становился всё дальше и дальше от неё.

А игрок и авантюрист по натуре Меншиков полностью был уверен в своих расчётах. Каждый шаг Катерины, каждое свидание царя было известно ему, потому что именно он предложил для удобства ситуации поселить Екатерину в доме Арсеньевых вместе с двумя их дочерьми, одна из которых уже давно воспринималась при дворе как невеста Александра

Даниловича. И он не мог не замечать, что встречи всё учащаются, а спустя некоторое время появились первые признаки женской тягости, то есть именно то, чего никак не мог добиться царь от Анны.

В конце концов истинное положение вещей до неё донёс молодой красавчик, польский дипломат Кёнигсек. Сделал он это со свойственным ему изяществом и... некоторой радостью, поскольку он уже давно заметил адресованные ему благосклонные взгляды Анны Монс. Досада и уязвлённая женская гордость быстро сделали своё дело, и парочка, зная о неуправляемых вспышках гнева царя, вступила на очень опасную стезю. Ловкость и хитрость Кёнигсека довольно долго сохраняли всё в глубокой тайне: Пётр, ни о чём не подозревая, общался с молодым дипломатом и даже иногда брал его с собой в деловые поездки.

Но, увы, всё тайное когда-нибудь становится явным.

...Строя много и непрерывно, Пётр имел обыкновение устраивать своеобразные смотры для дипломатов, во время которых они имели возможность увидеть новые мосты, укрепления городов, дворцы, корабли... Цель при этом преследовалась одна: показать посланникам растущую мощь России уже в процессе этого роста. Участники таких осмотров, разумеется, докладывали о них своим правителям, и таким образом всё шире и шире шла слава о русском царь-строителе и царе-воителе.

Вот и в тот раз Пётр с гордостью показывал растущие в Ниеншанце мощные крепостные стены толщины столь достаточной, что пушечные ядра даже самых тяжёлых орудий были неспособны их пробить. Свита восхищалась размахом работ, кто-то из иностранцев торопливо пытался зарисовать схему укрепления. Перед главными воротами крепости все остановились на подъёмном мосту, переброшенном через глубокий крепостной ров, шедший вдоль стен. Был он уже заполнен тёмной, грязной водой, шедшие незадолго перед этим дожди ещё подняли её уровень и превратили глиняные склоны рва в скользкую кашу. Пётр явно любовался открывшейся панорамой, Меншиков, стоявший рядом, отодвинулся, чтобы дипломаты могли в полной мере прочувствовать картину. Кёнигсек проник к краю моста и оживлённо беседовал с прусским посланником Кайзерлингом. О нём говорили, что он тоже вздыхает по Анне Монс, и именно поэтому отношения с поляком у него были далеки от безоблачных...

Когда по приглашению царя все двинулись осматривать территорию крепости, сзади раздался короткий вскрик, и тут же во рву что-то плюхнулось в воду. Кайзерлинг, выпрямившийся и бледный, сказал, что это Кёнигсек не удержался на краю моста.

Он продержался на поверхности, не умея плавать, всего несколько мгновений, и пошёл ко дну. Подсочившие тотчас же мужики-строители, работавшие рядом, скользя по глине, рискованно пробрались к самому урезу воды, шарили по дну своими крючьями-баграми, зацепили-таки тело и выволокли по склону на ровное место. Утопленник лежал навзничь, и на лице его навсегда застыло удивление от такой встречи со своей смертью...

Царь, подбежав одним из первых, попытался положить тело животом на колени, чтобы очистить лёгкие от воды, но ничего из этого не вышло. Пётр, всегда гордившийся своими медицинскими и анатомическими познаниями, встал и сокрушённо развёл руками:

– Поздно... Осмотрите его, всё, что найдётся из бумаг и вещей, соберите на просушку. Потом решим – что родным отослать, а что для дел понадобится.

– А вот здесь, на груди, целый пакет с бумагами, даже намочнуть не успели.

– Верно, переписка дипломатическая. Запечатайте в конверт, позже посмотрю сам.

Осмотр крепости расстроился, все отправились по своим делам.

Вечером пакет принесли. Ещё только вскрывая его, Пётр почувствовал внутри какой-то инородный предмет. Нащупал. Медальон. Открыл. На него смотрела Анна Монс, миниатюрный её портрет...

И всё же он не поверил: мало ли кто в неё не влюблялся! Вот и... этот... Заказал портрет... Нужно бумаги посмотреть. Что это? Письма? Её рука... Это она ему пишет: Liebchen!

В лихорадке нетерпения разворачивал одно за другим и повсюду – «любимый мой»! В каждом письме!

Смял, хотел жечь. Остановился: может ещё понадобится... Велел прямо тотчас же, среди ночи, поднять Ромодановского. Когда тот явился – свежий, будто и не ложился вовсе, долго молчал, наблюдая, как Фёдор Юрьевич осторожно переступал с ноги на ногу.

– Вот что, князь... Надлежит тебе, не мешкая, заняться делом женщины, которая мне великое расстройство чувств учинила. Отныне и до веку она – злейший враг мой. А посему сейчас же её под надёжный арест взять, чтобы из дома никуда, даже в церковь чтоб не смела!

Ромодановский осторожно кашлянул, спросил как бы невзначай:

– И кто она, Пётр Алексеевич?

– Монсиха! Анька! За блуд тайный! И сестру её Матрёну – тоже под арест!

У Ромодановского буквально отвисла челюсть, в голове у него никак не могло уложиться известие о том, что многолетняя привязанность царя, если даже не сказать «любовь», закончилась так трагически и внезапно. Он догадывался, конечно, что в бумагах, найденных у польского посланника, содержались тайные сведения, но полагал, что записки эти касались вопросов политических. А тут всё сложилось один к одному. Конечно, о романе Анны Монс многие шептались, но прежде всего – умозрение не есть доказательство. А кроме того – появление новой метрессы у Петра заставляло очень задуматься, прежде чем доносить царю о проказах первой любовницы. Ведь никому не известно, как дело повернётся, кто из них кого одолеет... Но сейчас-то всё решилось само собой!

– Слушаю и повинуюсь, государь! Только вот сестру бы...

– И не поминай! Знала она, всё знала, ей-то тоже поделом! Да, ещё распорядись немедленно отобрать в казну всё, что я дарил ей: дворец, сёла и деревни, земли, людишек...

Ромодановский спросил вкрадчиво:

– Деньги, драгоценности?

Пётр поморщился:

– Ну, что ты в самом деле! Не такой уж старый, а соображаешь не всегда ловко. Она же женщина, и жить ей дальше надо. С деньгами и драгоценностями дом родительский оставь, ну, живность всякую, карету, лошадей. Вот с этим пусть и живёт. Одна живёт. Никакие танцы и сборища не допускать до поры. А там видно будет...

Фёдор Юрьевич поспешил выполнять полученные распоряжения, а Пётр всё сидел над письмами, перечитывал их, и злоба душила его: жаркая, горькая. Вспоминал давние дни, как каждый раз волновался, идя в слободу, как кровь горячей волной неслась по всему его телу и бросалась в голову, стоило только увидеть предмет своей страсти...

Эх, Анька, Анька!..

## 7

Будто нарочно судьба бросала Петра то в лёд, то в пламень, то в горечь поражения, то в безумную радость победы. От Нарвской конфузии прошло короткое время, а уже шведский флот под Архангельском крепко получил по носу. Семь шведских кораблей, прикрывшись обманно английскими и голландскими флагами, коварно подошли вплотную к русским берегам и начали обстрел укреплений, но даже несмотря на неожиданность получили весьма ошутимый ответ: им пришлось уйти восвояси, потеряв два корабля. Некоторое время спустя корпус Шереметева недалеко от Дерпта окружил семитысячный корпус Шлиппенбаха и полностью разгромил его. Почти половина шведов полегли на поле битвы. Пётр наградил Шереметева только что учреждённым высшим орденом России – орденом Андрея Первозванного и чином

генерал-фельдмаршала. Воодушевлённый Борис Петрович, как злой рок, уже через несколько месяцев настиг того же Шлиппенбаха с его обновлённым и перевооружённым корпусом и – снова победа! Потери шведов – пять тысяч человек убитыми, триста – пленными, а к тому ещё – вся артиллерия корпуса! Это была полная расплата за поражение русских войск под Нарвой.

Пётр почти всё время находился тогда в Ингрии. Постепенно шведов удалось вытеснить почти отовсюду. Вскоре удалось расколоть крепкий Орешек – русскую крепость у истоков Невы, переименованную шведами в Нотебург. Четырнадцать полков пехоты окружили крепость со всех сторон и не оставили противнику никаких шансов на спасение. Две недели русская артиллерия долбила толстенные крепостные стены, после чего русские полки пошли на штурм. Это была беспрерывная атака в течение всего дня. Внутри этого сражения были за это время маленькие победы и поражения, успехи и неудачи, но всё же богиня победы осенила своими знамёнами русских. Была захвачена крепость, стоявшая перед входом в большие озёра, это был настоящий ключ к возвращению всех этих когда-то русских земель, по прихоти истории ставших называться Ингрией.

При известии о капитуляции Пётр торжествующе оглянулся на окружение, засмеялся:

– Правда, что зело жёсток сей орех был, однако, слава Богу, счастливо разгрызен. Артиллерия наша зело чудесно своё дело исправила.

Впрочем, хотя царь немедленно крепость и поселение собирался переименовать, чтобы уже ничто не напоминало о временных хозяевах, к русским названиям всё же не вернулся. Генерал-фельдмаршал Шереметев был весьма удивлён данным Петром новым названием – Шлиссельбург, то есть Ключ-город. Ему казалось, что надо бы закрепить во всех головах, что эти земли – русские исконно, а посему название Орешек было бы весьма кстати. Но царь есть царь. Было сделано по его повелению.

Орешек продолжил полосу побед в этой схватке двух государств, двух правителей – Петра и Карла XII. Но это была победа сухопутных русских сил, уже почувствовавших силу организованности и военной науки. А Пётр жаждал морских побед. Он не считал победой недавнюю попытку захватить два шведских корабля на озере. Конечно, галеры русские славно их окружили, и пехота морская сражалась достойно, но шведы, сопротивляясь отчаянно, так и не дали русским возможности ступить на борт кораблей. Только тогда, когда поняли, что положение безвыходно, они подожгли свои корабли. Взметнулось пламя, вспыхнули паруса, горящие ключья падали и поджигали корабли в новых местах, чёрный дым от горящей смоли стлался над водой, мешая разглядеть, что происходит на палубах. Потом раздались взрывы в крьюйт-камерах. Галеры отдались назад, а когда умерилось полыхание, нападавшие увидели, что большая часть экипажей на шлюпках уже ушла довольно далеко, и догнать их не было никакой возможности. Да этого никто и делать не стал: нужно было спасти остальных шведских матросов, плававших в воде возле горящих кораблей и моливших о помощи. Их вытаскивали на галеры, занимались ранеными, какая уж там погоня! И когда обгоревшие корпуса пошли на дно, оставляя на поверхности воды воронки, обломки и последних не вытащенных ещё из воды матросов, русские офицеры и нижние чины отсалютовали, отдали честь мужеству противника...

Так что считать этот бой победой, настоящей победой, царь никак не мог. Он твёрдо знал, что первая победа будет обязательно, но пока она не пришла, Пётр довольствовался тем, что хорошо умел делать: был армейским капитаном, бомбардиром Петром Михайловым. И по приказанию этого капитана фельдмаршал Борис Петрович Шереметев двинул от Орешка свой многотысячный корпус по берегам Невы к следующей крепости, именуемой Ниеншанц. Он давно уже понял, что в военном искусстве Пётр превосходит его... не опытом, нет, а талантом, азартом, решительностью. Именно поэтому он не оспаривал его решения, как делали это зачастую Брюс, Вейде, Репнин, Меншиков (причём иногда успешно!). Он искренне считал,

что споры эти мешают достижению цели. Не потому, что царь по природе своей всегда должен быть прав, а потому, *что он бывал прав на самом деле!*

Шереметев был медлителен, основателен, надёжен. Это другие могли упустить что-то в спешке или в азарте боя, погони, могли что-то не додумать, из-за чего даже блестящий замысел мог быть сорван и обернуться неудачей. Шереметева же иногда сравнивали со змеем, который неторопливо охватывает противника и губит его, не оставляя ни одного шанса избежать поражения.

Вот и под Ниеншанцем он охватил крепость с трёх сторон, несмотря на непрерывную из неё канонаду, и начал методично исполнять приказ царя, вести осадные работы. Под обстрелом крепостных орудий была сооружена невиданного размера батарея – почти полсотни пушек, которые должны были пробить брешь в стенах, а к пушкам были добавлены ещё полтора десятка мортир, которые перебрасывали через стены огромные ядра.

В разгар подготовки прибыл Пётр. Это у него уже вошло в привычку: самому осматривать поле предстоящего боя. Обозрев город, отметил, что он ничуть не меньше, а, пожалуй, и больше, чем Орешек-Шлиссельбург. На безопасном от случайного выстрела расстоянии обошёл крепость, заметил, что её вал ничуть не выше других подобных сооружений. Но не выложен дёрном, который в случае штурма превращал склоны в скользкое месиво. Затем взял семь рот морских пехотинцев на лодьях и малых ботах, чтобы самому осмотреть подходы к крепости со стороны реки. Спускались по течению к устью, держались подальше от крепости, ближе к противоположному берегу, но были всё же замечены, и крепость загрохотала, окуталась пороховым дымом, ядра ложились всё ближе и ближе. Пётр, капитан бомбардиров, стоял во весь рост с трубой, считал проявившие себя орудия. Урядник Щепотев, обеспокоившись, ждал команды на манёвр, а команда разворачиваться так и не прозвучала до тех пор, пока весь учёт не был произведён. Но и тогда бомбардирский капитан Пётр Михайлов не остановился, шли дальше по Неве до взморья. Здесь высадились на берег. Пётр подошёл к линии прибоя и смотрел, как волны Балтики накатываются одна за другой, унося за собой обратно в море камешки, песок... Подумал о том, что море съедает землю медленно, но верно. Если нет тут прочных скал, сдерживающих натиск, через какие-то несколько столетий будет на этом месте просто залив, а глядишь – и река исчезнет, соединится море с озёрами...

А мысли уже неслись всё дальше и дальше. Ну, возьмём мы этот самый Ниеншанц, посадим гарнизон, но ведь армию здесь держать не будешь – места пустынные, их обживать надо. А потому надлежит здесь поселение устроить... Нет, город. Большой, с крепкой обороной, с людом многочисленным. Чтобы прикрывал места эти как скала. Иначе ведь не успокоятся – что шведы, что прочие. Будут волнами набегать из года в год, пока не добьются своего.

Позвал Щепотева:

– Ты остаёшься здесь. Четыре роты уйдут обратно со мной. Назначь в них вместо себя кого-нибудь старшим. Командовать возвращением буду сам. Тебе же оставляю три роты гвардейские, чтобы незамедлительно приступили к устройству здесь укрепления, из коего надлежит непрерывно за морем наблюдать. Они ведь не сегодня – завтра полезут. Шведов мы на суше мало-помалу учимся бить, но на море... Фигур не хватает, чтобы от их короля и его флота обороняться. Здесь партию можно выиграть только умением и нахрапом...

Когда вернулись, велел на картах отметить безопасную зону, куда не долетали крепостные ядра. Ощущения в тот день были не из самых лучших. Очень нужен был рядом Алексашка Меншиков. Хотелось видеть его усмешливую физиогномию, услышать его обычное «мин херц». Ещё несколько дней назад он сел за письмо, где описал ситуацию, сообщил, что дело под Ниеншанцем близится к удачному завершению. Велел прибыть.

На следующее утро Шереметев доложил о полной готовности к обстрелу и, если понадобится, к штурму. Он ждал, что царь прикажет немедленно начать обстрел. Но Пётр по своему обыкновению устранился от решения о начале битвы, сказав:

– Борис Петрович, не забывай: здесь я – капитан, а ты – фельдмаршал. Сам разумеешь: готово ли всё? И подумай заодно о том, что сначала нужно предложить просто сдаться, а уж если откажутся... Вот тогда все свои умения и приложи!

Отправили трубача с письменным предложением о сдаче крепости. Ждали долго, почти весь день. Тем временем примчался Данилыч, порадовал своей персоной и шутивным вопросом:

– Не опоздал ли к горячему, мин херц? А то я уже и вертел свой подготовил! – и выразительно помахал выхваченной шпагой.

Получив письмо, Меншиков – вечно деловитый, насмешливый, весь светившийся энергией – не промедлил ни минуты. Пётр искренне обрадовался его столь быстрому появлению: он выскочил, как по мановению волшебника. Это льстило бы самолюбию царя, если б Алексашка не был ему по-настоящему нужен. Именно поэтому, не дав ему даже остыть после поспешной езды, и только обняв Меншикова, тут же начал вводить его в курс дела.

Посланец всё не возвращался. Пётр нервничал, буркнул Шереметеву:

– Отмолчаться хотят, что ли? Ещё одного шли.

Меншиков, усмехнувшись, добавил:

– Первый трубачом был? Теперь шли барабанщика!

Второй посланец вернулся довольно быстро, принёс ответ начальника крепости: «Крепость поручена мне для обороны, а не для сдачи». Трубач так и пропал без вести... Шереметев полувопросительно, полуутвердительно сказал:

– Тогда я начинаю?

Пётр вздохнул:

– Так тому и быть!

И подписал заранее подготовленное приказание о начале обстрела. Фельдмаршал уже давно настаивал на том, чтобы все его действия оформлялись документально. Петра это несколько раздражало, но он не мог не признать, что Шереметев поступает предусмотрительно.

И пушки загрохотали.

Следующие часы и всю ночь капитан Пётр Михайлов и поручик Александр Меншиков без усталости руководили огнём великолепно выстроенной батареи, которая долбила крепость из всех своих орудий. К утру, наконец, от крепостных стен послышался барабанный бой – крепость готова была сдаться. День ушёл на церемонию сдачи, и уже со следующего утра началось восстановление разрушенных стен: бессонная ночь капитана бомбардиров родила новый план обороны крепости и строительства дополнительных защитных сооружений, к которому приступили без промедления.

Невероятное напряжение, которое овладевало Петром перед любой трудностью, любым сражением, сменилось привычным круговращением дел, забот, мыслей. Подозвал Меншикова:

– Я полагаю, что весть о падении Нотебурга до шведов ещё не дошла, наш генерал-фельдмаршал плотно тут их охватил, никто не мог проскочить. И они, считая крепость по-прежнему своей, обязательно попытаются пройти по Неве к озёрам. Жду дорогих гостей, мы должны будем их достойно встретить. Так что, майн брудер, отправляйся-ка ты в устье, к Щепотеву, выставьте там отдалённые посты, чтобы мы о приближении противника заранее уведомлены были. А буде такое случится, шли гонца, чтоб крепость подготовить. При появлении кораблей все работы там прекратить, приготовиться к бою, держаться скрытно, чтобы шведы узнали о русском здесь присутствии как можно позже. Боты малые и лодьи укройте, но чтоб в любое время могли выйти!

...А ещё через три дня примчался солдат-наблюдатель с отдалённого поста, вестник от Меншикова:

– Шведы идут! Девять кораблей.

Как оказалось впоследствии, шведская эскадра Нумерса, непрерывно ходившая по Финскому заливу, действительно решила войти в Неву, но достаточно большой опыт вице-адмирала подсказал ему осторожные шаги: он двумя пушечными выстрелами просигналил крепости о прибытии эскадры. Крепость немедленно отсалютовала тоже двумя залпами. Это был непорядок: отвечать нужно было одним пушечным выстрелом. Нумерс поморщился:

– Бестолковые всё же люди в крепости! Даже ответить не могут, как положено!

Тем не менее приказал спустить на воду бот, чтобы доставить с берега лоцманов. Похоже, что они уже ждали, во всяком случае два человека приветственно махали шляпами. Но не успел бот подойти к берегу, как люди эти куда-то исчезли, а навстречу прибывшим выскочили русские солдаты. После короткой схватки один из шведов был скручен, остальные отчалили и поспешили назад к кораблю под адмиральским флагом. После доклада Нумерс похвалил себя за предусмотрительность, но по здравом размышлении пришёл к выводу, что нападение совершила небольшая, отбившаяся от русских войск, группа, которая случайно оказалась в окрестностях Ниеншанца. Разумеется, это случайность, без которых не обходится ни одна война. Тем не менее – осторожность и ещё раз осторожность! Он вызвал к себе капитанов двух не самых крупных кораблей «Астрильд» и «Гедан»:

– Возьмёте, кроме тех, кто есть на борту, дополнительно десантников, проверьте вооружение, заряды, ручные гранаты. Пойдёте к берегу, войдёте в устье и попытаетесь захватить или уничтожить этот русский отряд. В случае, если обнаружите более значительные силы, немедленно отходите назад. Самая большая для вас удача будет в случае, если никого вы не обнаружите, а путь будет свободным. Сколько времени нужно на подготовку? Два дня достаточно?

Капитан Пётр Михайлов и поручик Александр Меншиков к тому времени уже готовы были встретить противника. Конкретного плана не было, потому что Пётр твёрдо решил, что вся эскадра просто не в состоянии будет пойти напролом: в Неве кораблям будет тесно. А вот если шведы предпримут какие-то иные действия, то и ответ нужно будет выбирать соответственный. И только тогда, когда от эскадры отделились и направились к устью Невы два корабля – шнява и большой десантный бот, у Петра родился замысел захвата этих кораблей.

Был поздний вечер. При нормальной погоде было бы ещё совсем светло, ведь через месяц-полтора в этих местах воцарятся сказочные белые ночи. Но седьмого мая 1703 года ночь выдалась с плотной облачностью, сильным дождём, стемнело быстро, и вскоре уже почти ничего не было видно. Корабли встали на якорь у самого входа в Неву, чтобы течение не унесло их за ночь в море. Утром предстояло попытаться при попутном ветре войти в реку. Шведы и не подозревали, что совсем недалеко от них в зарослях камыша и в густой тени леса укрылась половина всех имевшихся здесь у русских лодок. Другая половина уже начала движение вниз по течению, накатываясь на корабли широким фронтом. При первых же выстрелах и разрывах гранат поручик Меншиков встал во весь рост с обнажённой шпагой:

– Вперёд! Наши уже в бой вступили, поспешать на помощь надо. А ну, навались, черти, навались, ребята, чтоб своим облегчение было. Мы загородим шведам отход и тоже атакуем! Пошли!

И вылетели лодки из-за мысочка, за которым прятались, и полетели по волнам туда, где в полутьме уже были видны вспышки и откуда доносились яростные крики и грохот боя: это лодки под командованием капитана бомбардиров уже сошлись с кораблями. Будь корабли крупными, океанскими, очень трудно пришлось бы: на высокие борта попробуй забраться под обстрелом и бесконечным градом гранат! Но эти корабли были всё-таки пониже, и русские солдаты буквально облепили борта, срывались в воду, выплывали, если были живы, и всё равно штурмовали упрямо неприятеля. Ничего подходящего именно для морского боя у них не было. Любой мало-мальски уважающий себя пират, идя на abordаж, имел про запас лестницы с крючьями, чтоб зацепиться за борт, кошки на канатах – для той же цели. Русским солдатам, а точнее – уже морским пехотинцам оставалось ползти по якорному канату, бросать гранаты,

пытаясь зажечь хоть что-нибудь. Иногда это удавалось, снасти горели и падали, и тут же в них вцеплялись десятки рук и новые охотники лезли вверх, навстречу выстрелам практически в упор, не имея возможности ответить. Шведские гранаты падали в лодки, у многих не успевали догореть фитили, как их подхватывали и бросали обратно или просто в воду. А если фитиль догорал, то лодку разносило в щепки, солдаты вытаскивали своих товарищей, удержавшихся на плаву. И уже очередной охотник вскарабкивался на скрещённые руки, его подбрасывали, и он взлетал на палубу, в самую гущу врагов. Он погибал почти сразу же и почти каждый раз, но давал возможность другим атаковать.

Все шведы собрались у борта со стороны нападавших. И возможно, что исход боя был бы иным, если бы не грянуло с другой стороны «ура!», не началась стрельба. Часть команды и шведских пехотинцев кинулась к противоположному борту. А там уже тоже вскарабкались русские дьяволы! И врубались яростно в схватку. А совсем недалеко, на другом корабле, поручик Меншиков по неистребимой своей привычке к личной встрече с противником, сложившейся ещё с потешных игр, со штурма Азовской крепости, со многих сражений, одним из первых оказался на борту. В дыму и пламени мелькала его фигура с ловкой и смертоносной шпагой. Он успевал наносить удары и пронзать противников, следить за всем боем, видно, Господь одарил его таким талантом – видеть всё вокруг разом и не терять присутствия духа. Вот и сейчас он сразу заметил, как на соседнем корабле среди нападающих уже появился капитан бомбардиров Михайлов, видный издалека, и тоже вступил в бой в первых рядах, да так, что противники шарахались от него в страхе – уж больно грозен был этот русский воин, уж так яростно кричал и... смеялся в бою, и голос его был слышен всем. А это значило только одно: близка победа, близка большая виктория!

Когда всё кончилось, когда потушили все пожары, выгрузили пленных и Алексашка лично отобрал шпаги у офицеров, ведя их на поклон к бомбардирскому капитану, Пётр был всё ещё радостно взвинчен, отовсюду раздавались крики «виват!», настроение было у него воистину победным. Мельком глянув на пленных, приказал накормить их и дать возможность обсушиться. Потом обнял Меншикова за плечи, тряс его, кричал:

– Нет, ты понял, Данилыч?! Мы их на море одолели! Побили басурман этих! Какова партия, а?! Пешками две лоды взять! Да этого ни один шахматный мастер сделать не сумеет! Но шведы-то, шведы! Этот самый Нумерс, адмиралышка, трус несчастный, ведь ни одного корабля не двинул, чтобы своих выручить. А у него их ещё семь было. Да стоило паре фрегатов с их пушками поближе подойти, так расстреляли бы нас за милую душу! А он удрал, как заяц! Сейчас, небось, королю своему докладывать будет, что ночь, что темно, что лоцмана нет, шелками дорожка не выслана и подушки мягкой под задницей не было!

Меншиков чуть не задохнулся в мощных объятиях, засмеялся:

– Да ну его, этого Нумерса, мин херц! Пойдём, я там шатёришко раскинул по-походному. Особого чего-то, по твоему достоинству, уж не взыщи, – нету. Но венгерского сколько-то бутылок припасено. Отметим славную викторию!

...На берегу уже замерцали малые костерки, солдаты, подсовывали к огню мокрую амуницию, грелись сами, пропускали в круг пленных, сосали размокшие сухари из припаса, пытались вздуть свои носогрейки, да только далеко не у всех это получалось: трубки промокли, табак промок... А вот и песня пошла:

Тут сидит большой боярин,  
Он наборы набирает,  
Солдатиков забирает.  
Все солдаты стоят-плачут,  
Что один солдат не плачет,  
Вдоль по ярмарке гуляет,

В золоту скрипку играет,  
Солдатиков забавляет:  
– Вы не плачьте-то, ребята,  
Не тужите, новобраны,  
Нам не пашенку пахати,  
Не работу работати,  
Только в фрунты постояти,  
Только ружья заряжати...

Возлияние было ещё в самом начале, когда Пётр вдруг задумался, не выпуская кубка из руки:

– Ты знаешь – хвалю себя редко, но всё же одну умную вещь я сделал за последние дни: вызвал тебя сюда, майн либер фройнд. Я всегда считал, что мы пока не готовы со шведом на море тягаться. Кораблей у нас – раз, два и обчёлся, а и были бы – всё равно командовать пока ими некому. И если побеждать их на море, то только хитростью, нахальством, нахрапом. А вот всего этого у тебя с избытком, не так ли, Данилыч?

Пётр искоса, улыбаясь, посмотрел на Меншикова. Тот, смешавшись, покраснел:

– Что ты, мин херц! План-то твой был, Пётр Алексеевич! А я просто служу честно.

– Да, здесь ты послужил не просто честно, а геройски. Я думаю, по заслугам и оценён ты будешь. А вот из мирной жизни слухи доходят о тебе, что ты со строительства, с подрядов да ещё по всякому немалую мзду имеешь. Смотри, остерегись, Алексашка! Как бы в плутовстве не скончал живот свой. Если докажут – не прощу ведь. Не исправишься – быть тебе без головы.

Впрочем, сегодня – не об этом, а о том, что, оказывается, бывает и вовсе небывалое. Такого я прежде и не слышал, чтобы с суши два корабля взять! По случаю сей виктории велю медаль отлить с зело прекрасным видом сражения, датой... А надпись сделаем... Да, так и напишем на медали: «Небываемое бывает». И наградим достойных...

Эх, Данилыч, я же знаю, что почитают меня государем строгим, считай – тираном. А ведь как оне ошибаются, не зная всех обстоятельств. Только Богу одному ведомы сердце и совесть моя, колико соблезнования имею я о подданных, сколько блага желаю Отечеству. А ведь невежество, упрямство, коварство ополчались на меня всегда, с того самого времени, когда полезность в России вводить задумал и суровые нравы преобразовывать. Вот где настоящие тираны – отсталость наша, непросвещённость! И в истреблении их немало помощников мне. И мне всё равно: русский, немец, поляк или какой другой нации – честных, трудолюбивых, повинующихся, разумных сынов отечества я возвышаю и награждаю, а непокорных и зловердных исправляю по необходимости. Пусть злость клеветет, но совесть у меня чиста!

## 8

После смерти Лефорта и трещинки в отношениях с Меншиковым всё ближе и ближе становился Петру ещё один человек. Постепенно, не сразу, но царь приходил к выводу после многих случаев, что ему он может доверять как самому себе. И не только военные отвага и удачливость были причиной тому. Пётр довольно быстро разглядел в нём ум и талант, а самое главное – беспредельные верность, честность и порядочность. И имя этому средоточию добродетелей было – Михаил Михайлович Голицын.

У людей в течение жизни постепенно стирается разница в возрасте. Для человека взрослого не представляется существенным возрастное преимущество в несколько лет. На закате жизни для него все люди делятся всего на две группы: на сверстников и на мальчишек, которым ещё жить и постигать жизненные уроки. А вот в начале своего бытия почти любому разница в три, например, года кажется чуть ли не пропастью. Мальчишка, который может быть иногда

дерзок со старшими, поостережётся вести себя так же с недавним подростком, уже превращающимся в мужчину. Вот и у Петра с Голицыным отношения складывались, меняясь в течение многих лет. Для юного пятнадцатилетнего царя двенадцатилетний рядовой, барабанщик лейб-гвардии Семёновского полка был таким же, как все, ничем не бросааясь в глаза. Но всё же во время многочисленных учений сумел проявить характер и незаурядную смелость. Пётр, по привычке, выработанной ещё в раннем детстве, однажды заметив Михаила, цепко держал его в памяти, следил за его успехами.

У Голицына всё происходило как-то само собой: нормальный карьерный рост, нормальные отношения с соратниками. Став прапорщиком, проявил себя при Азовских походах, заслужил звание поручика, а затем и капитана, сравнявшись в военном звании с Петром. Царь по-прежнему не выделял его, но иногда, услышав об очередном успехе Голицына, чувствовал удовлетворение: не ошибся, поверив в его преданность и ум...

Ближе довелось познакомиться во время подавления стрелецкого бунта. А вот после того Пётр окончательно ввёл его в круг доверенных лиц, которым можно было поручить любое дело и знать, что оно будет выполнено точно, со всей тщательностью и старанием. Был случай, правда, что и против воли царя.

...Когда в 1702 году осадили Нотебург, русская армия столкнулась с яростным сопротивлением. Волна за волной накатывались солдаты на крепостные стены и отходили назад, оставляя убитых. Шереметев послал семёновцев на штурм в обход, на лодках, чтобы те, десантировавшись в неожиданном месте, отвлекли бы на себя внимание шведов, и их легче было бы атаковать с фронта.

Да, это была славная баталия! Семёновцы высадились, и сразу развернулись в цепь и пошли вперёд со штыками наперевес. Эта возникшая из ничего грозная сила вызвала некоторое замешательство в крепости, отчётливо видимое с командного пункта в подзорную трубу. Но не успели семёновцы приблизиться к стенам, как заговорили крепостные пушки, ядра ложились всё точнее и точнее. Шереметев подозвал вестового:

– Передай приказ подполковнику Голицыну немедленно отступить, поскольку неожиданность себя не оправдала, – и выжидательно покосился на царя.

Пётр, вопреки обыкновению, на этот раз не устранился от решения, принятого главным командующим. Он согласно кивнул головой:

– От моего имени тоже вели отступить. Подполковник нам нужен живым, и рисковать одним из лучших полков мы тоже не будем.

...Когда вестовой на утлой лодчонке перебрался к десантным шлюпкам, к месту, где уже изготовились семёновцы к новой атаке, и передал Голицыну приказ об отступлении, Михаил Михайлович подошёл к уткнувшимся в песок лодкам и стал одну за другой отталкивать их от берега.

– Что вы делаете?! – вскричал порученец. – Вы же не сможете отступить!

Голицын оглядел собравшихся вокруг него солдат и сказал громко, чтобы все слышали:

– Скажи государю, что теперь я принадлежу одному Богу! Семёновцы не умеют отступать. Верно, братцы? К ата-а-а-аке... Ура!

Шереметев и царь увидели, как стремительно бросились солдаты со своим командиром вперёд, под защиту крепостных стен, где уже не могли их достать орудия противника, как ставили штурмовые лестницы, и уже через четверть часа замелькали на стене.

Борис Петрович вздымал руки к небу и кричал:

– Что они делают! Боже, что они делают! Они не выполнили приказ! Разжалую шельмеца!

Пётр обернулся к Шереметеву. Глаза его сверкали восторгом:

– Что они делают? Подвиг они делают! Они уже в крепости!

Вот так Голицын стал полковником в своём родном полку. Победы, в которых деятельное участие принимал Голицын, следовали одна за другой. Ниеншанц, Митава... А в промежутке

между ними – Нарва, никогда не забываемая русская рана, которую можно было вылечить только взятием города.

...Ах, какое было то время! Несколько лет удача осеняла своим венцом Россию. Один за другим освобождались носившие иноземные названия старые русские города: Ям, Копорье, Юрьев, основанный ещё Ярославом Мудрым и ставший потом Дерптом... Одновременно закладывались новые города и крепости. Карл, разумеется, знал обо всём этом. Но упрямец такими известиями поколебать было трудно. Своё отношение к «временным» неудачам он высказал лишь однажды:

– Пусть *тсар* трудится над закладкой новых городов, мы хотим лишь оставить за собой честь впоследствии забрать их.

Воодушевлённый успехами Шереметева, Пётр, как полководец, тоже одерживал победы. После Дерпта, собрав все захваченные знамёна, он направился через Чудское озеро к Нарве, к той Нарве из-под стен которой Петру уже пришлось однажды отступить. С тех пор память о Нарве постоянно сидела у него в душе, не давая покоя. Город ещё с мая был осаждён русскими, но шведы чувствовали себя спокойно за мощными крепостными сооружениями. Обеспокоились они только при известии о том, что русские под командованием Апраксина поставили в устье Наровы мощные батареи. Именно они помешали вскоре шведской эскадре доставить в Нарву значительное подкрепление, оружие и продовольственные запасы. После прибытия Петра и изучения им обстановки был направлен ультиматум о сдаче, на что комендант Горн, тот самый, который и тогда, четыре года назад, был в этой должности, ответил не без издёвки, что Нарва не будет сдана никому и никогда без распоряжения шведского короля, тем более – каким-то уже битым под её стенами русским.

Пётр рассвирепел от такой наглости. Назначенный на 9 августа штурм начался точно по плану, но перед этим царь велел зачитать войскам ответ Горна. Возмущение было таким, что после этого падение крепости стало неизбежным. Штурм был кровавым и стремительным, всё продолжалось меньше часа. Офицерам и самому Петру не раз приходилось уже в городе обнажать шпаги, чтобы избежать ненужного кровопролития. Привели бледного, в сбитом набок парике Горна. Пётр ухватил его за шиворот, повернул лицом к горящим, дымящимся улицам, усыпанным мёртвыми телами, сказал сквозь зубы:

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.